

The background of the poster is a photograph of a wet street at night. On the left, the lower legs and feet of a person are visible in silhouette, walking towards the viewer. On the right, a dog is also in silhouette, walking away from the viewer. The wet pavement reflects the ambient light, creating a moody and atmospheric scene.

МИХАИЛ
КРИКУНЕНКО

ПЛАНЕТА

РАЙ АД

МИНУТА
НЕНАВИСТИ
ИЛИ 60 СЕКУНД
СЧАСТЬЯ

Михаил Крикуненко

**Планета Райад. Минута
ненависти или 60 секунд счастья**

«Автор»

2023

Крикуненко М.

Планета Райад. Минута ненависти или 60 секунд счастья /
М. Крикуненко — «Автор», 2023

Начало 2000-х. В самом разгаре вторая чеченская война. Циничный телерепортер-«стервятник» отправляется в очередную командировку в Чечню, не зная, что эта поездка навсегда изменит его жизнь. Случайная встреча там, на войне, заставит журналиста отказаться от своего главного профессионального правила – не пропускать через себя чужую боль. А ответы на вопросы – «Кто мы и откуда?», «Зачем живем и для чего умираем?», «Почему бываем жестоки?» – предстанут перед ним с самой неожиданной стороны.

© Крикуненко М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Добро пожаловать в Ад	12
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил Крикуненко

Планета Райад. Минута ненависти или 60 секунд счастья

Если бы у нашей планеты не было имени, ее следовало бы назвать Райад. Потому что Рай и Ад сосуществуют в нашем мире. Попав в земной Ад, мы отправляемся на поиски Рая...

В этой истории вымышленные события и персонажи настолько тесно переплелись с реальными, что я и сам уже не могу отличить одни от других.

Основано на реальных событиях. Все совпадения считать случайными.

Автор

Пролог

Горячий ветер вдохнул белый тюль в комнату, лениво поиграл с ним и исчез. Лопасты вентилятора с трудом разрезают густой, как кисель, воздух и отправляют его с потолка вниз, к моей кровати. Время не спеша течет мимо вентиляторным потоком и, рикошета от пола, уходит в открытое окно. Его приятно трогать рукой, ощущая теплую, неторопливую вязкость бытия.

За окном, в котором безвозвратно исчезает мое время, орут чайки и шумит прибой, не имеющий ни начала, ни конца, как сама Вечность. Пытаюсь представить *вечность, бесконечность и космос*, в масштабах которых мучающий меня сушняк после вчерашнего злоупотребления виски на карнавале в Панаджи кажется ничтожным пустяком.

Я перестал ловить рукой время и пошарил по столу в надежде найти стакан с какой-нибудь жидкостью, но наткнулся на мобильник, который сразу же зазвонил.

– Алло, Майкл? – услышал я в трубке голос исполнительного продюсера телеканала Василия Петрова. Он всегда называет меня Майклом на американский манер. Сказывается стажировка в Штатах. – Что делаешь?

– Пью охлажденный порто и ем мясо акулы, – с трудом ворочая языком, огрызнулся я и, сглотнув слюну, покосился на пустую бутылку из-под минералки.

– Ну и сволочь, – беззлобно ответил Василий. – Ладно, дело есть. Доедай свою акулу, заканчивай с Робинзоной и возвращайся на родину – нам в Чечню некого отправлять.

– Я же только в прошлом месяце там три недели торчал, – на всякий случай открываю дверцу холодильника, хотя точно знаю, что воды там нет.

– Зато на халяву в Индию слетал. В Москве минус двадцать пять, между прочим. В Грозном группу надо менять через неделю. И не забудь привезти мне бутылку какого-нибудь местного пойла в коллекцию.

Спорить с Петровым бесполезно. Особенно в депрессивном состоянии похмелья, когда тайны мироздания больше всего не дают покоя.

Зовут меня Михаил Корняков. Мне 33. Возраст Христа. Я – специальный корреспондент одного из федеральных телеканалов России. Если бы я подавал объявление в рубрику «Он ищет ее», там бы значилось: «Стройный, спортивного телосложения, рост 182 см, вес 78 кг, глаза серо-голубые, волосы темные». В общем, вполне привлекательный мужчина, в меру упитанный и в полном расцвете сил. Таких, как говорила Фрекен Бок, на телевидении хватает и без

меня. Как и у большинства репортеров, работа занимает практически все моё время. Я делаю репортажи для «Новостей», снимаю авторские документальные фильмы и в перерывах между командировками встречаюсь с Настей, молодой женой одного известного банкира. Последнее обстоятельство характеризует меня не только как человека непорядочного, но и крайне легкомысленного, ибо только камикадзе, которому наплевать на собственную жизнь, может наставлять рога столь могущественному человеку. Работа, еда, сон и иногда Настя. Это то, из чего состоит моя нынешняя жизнь.

...Выхожу из бунгало и уныло плетусь в сторону океана. На самом деле это Аравийское море, являющееся частью Индийского океана. Но всем нравится называть его так за силу, сбивающую с ног, и за дыхание – мощное, как у титана. Но если серьезно, просто «океан» звучит круче, чем «море».

Дешевые забегаловки Мирамара, что в северной части Гоа, неровной линией расположились на набережной, повторяя изгибы берега. Белозубые индусы предлагают искусно приготовленные ими дары моря. Яростное декабрьское солнце плющит о раскаленный белый песок. «До Нового года меньше месяца, а здесь в тени градусов тридцать пять», – плещется в мутном сознании вялая мысль. Ядовитым ультрафиолетом солнце будто норовит выжечь на моей макушке слово или даже целую фразу из трактата какого-нибудь индийского мыслителя. Что-нибудь о вреде пьянства.

На жаре от похмелья совсем худо. Я несу собственную голову как драгоценный сосуд, наполненный чем-то очень важным, боясь расплескать содержимое. С большим трудом доставляю ее вместе с остальными частями тела к ближайшему открытому ресторанчику и с удовольствием располагаюсь в тени. Я знаю это заведение и его хозяина, старого хромого индуса. Он называет себя Максом, чтобы иностранцы не мучились, выговаривая его настоящее индийское имя, для воспроизведения которого нужно уметь произносить сложные гортанные звуки. Ресторанчик Макса пользуется хорошей репутацией. Ему можно доверить свой желудочно-кишечный тракт. Еще никто, пообедав у Макса, не заболел дизентерией, желтухой, брюшным тифом или еще какой-нибудь диковинной болезнью, проживающей в любой экзотической стране, где санитарные нормы и личная гигиена для местных – не самоцель. Макс – бывший рыбак. Это единственная профессия, доступная здесь мужчинам. Нищие рыбацкие деревни, словно ракушки, облепили берег океана. Когда акула покалечила Максиму ногу, он перестал выходить в море и с помощью брата жены, владельца продуктового магазина в Панаджи, открыл свое дело. Теперь он покупает рыбу у друзей-рыбаков и готовит ее для туристов в своем ресторане.

Жадно осушив два стакана воды со льдом, я покосился на изуродованную акулой ногу Макса и пришел к мысли, что все в этом мире кого-то едят. Термиты, например, жрут деревья, а муравьеды – термитов. Природа даже оснастила муравьедов длинными узкими мордами и такими же длинными, проворными пальцами с крепкими когтями, чтобы им было удобнее добираться до своих жертв. В свою очередь, на муравьедов охотятся индейцы. Им нравится их мясо, по вкусу напоминающее гусятину. Но чаще всего люди охотятся друг на друга. И так в природе до бесконечности. Словно участие в смертельном круговороте – единственная возможность выжить самому. И никому не известно, кто на чьем столе окажется завтра. Даже самого грозного хищника может съесть безобидное млекопитающее из отряда приматов вроде меня. И без особой на то нужды.

Чтобы отомстить за индуса Макса, я заказал акулье мясо, а назвал продюсеру Петрову – прекрасный гоанский порто.

* * *

– Я устал жить в постоянном страхе, – говорит Ларри, тучный бухгалтер из Нью-Йорка. – Я боялся всего: потери работы, атак террористов, измены жены, повышения налогов.

Бывшие бизнесмены, ученые. У каждого из них была своя причина, чтобы сменить городскую одежду на набедренную повязку. Они сбежали из каменных джунглей мегаполисов в джунгли натуральные, надеясь обрести *рай на земле*. Уже почти две недели мы с моим товарищем оператором Пашкой Гусевым, или Гусем, как его зовут в редакции, снимаем в Индии документальный фильм об этих чудаках. Наш фильм так и называется – «В поисках рая». Новые робинзоны устали от постоянной гонки на выживание в *большом мире*, от погони за деньгами, от борьбы за достойное место в обществе. Они сошли с дистанции. Палатки небольшой общины разноцветными грибами проросли среди камней и песка на берегу океана. На деревянном флагштоке развевается голубое полотнище с пацифистским символом, известным как крест мира.

– В Большом мире люди постоянно сравнивают себя друг с другом, пытаются придериваться эталонов, которые навязало им общество, – продолжил Ларри. – А что такое общественный эталон? Это миф, созданный бездушными потребителями! – при этих словах толстяк обвел взглядом соплеменников, призывая поддержать его. Те одобрительно закивали. – Я боялся даже смотреть на себя обнаженного в зеркале, – сказал Ларри, – потому что общество заявило, что быть полным и иметь маленький пенис – это стыдно!

– Но, приехав сюда, вы лишились всего, что так боялись потерять, – язвительно сказал я. – Семьи, работы, социального статуса. Правда, заодно вы избавились от нескольких лишних килограммов, но это незначительный бонус. Вы без боя сдали свой рабочий кабинет в небоскребе на сорок втором этаже в центре Манхэттена, бросили жену с двумя детьми и преданную таксу, которая каждое утро приносила вам тапки, облизывала ноги и любила вас больше всех на свете!

Это был запрещенный прием. При упоминании о таксе в глазах бухгалтера появились слезы. То, что надо! Я почесал мочку уха – условный знак Гусеву, чтобы снимал крупный план – глаза, наполненные слезами.

– Вы полагаете, я эгоист, неудачник, трус, испугавшийся трудностей? – к слезам Ларри о брошенной им таксе добавились слезы обиды, и я почесал мочку уха еще раз. Чтобы добить толстяка окончательно, собираюсь затронуть тему его маленького пениса, но меня перебивает женщина, кормящая грудью грязного младенца:

– Лично я не хочу, чтобы мои дети росли в мире, где правят деньги, власть, конкуренция и царит постоянная депрессия.

– Но без конкуренции не было бы прогресса, – не унимаюсь я.

– Конкуренция делает нас похожими на животных. Люди готовы идти по костям, лишь бы оказаться как можно выше на этой чертовой лестнице успеха. Те, кому удастся подняться, презирают тех, кто стоит хотя бы на ступеньку ниже, – ответила женщина и швырнула камень в черного скорпиона, который полз в ее направлении.

– Но самой природой нам завещано конкурировать. Посмотрите вокруг – вы на пляже, за которым непроходимый дикий лес. Где, как не здесь, нужно обладать сноровкой и ловкостью, чтобы не стать чьим-то завтраком? – И я привел пример с термитами и муравьями из своих утренних похмельных размышлений.

– Человеку дан разум, чтобы отличаться от животных и насекомых. Но интеллект не сделал людей добрее. Они также алчны и жестоки, как тысячелетия назад, хоть и живут в мегаполисах со всеми удобствами. Мы вернулись в пещеры, чтобы все изменить. Для начала в самих себе. А потом и в мире.

Мне не удалось скрыть усмешку, но женщина не обиделась:

– Я понимаю, вы считаете нас сумасшедшими. Но для нас Большой мир – то еще сумасшествие. Вот вы работаете на телевидении, которое тиражирует зло и насилие. В погоне за рейтингами вы в первую очередь показываете катастрофы, войны и смерть (тут я вспомнил об утреннем звонке продюсера Петрова и предстоящей командировке в Чечню), спекулируя на самых низменных человеческих качествах. Вы пропагандируете силу денег и власти одних людей над другими, забывая о духовности. Героями ваших репортажей и передач становятся те, кто взобрался на очередную ступеньку этой чертовой лестницы, кто успешен, по мнению большинства.

– Да, но в данный момент мы снимаем документальный фильм о вас. И это тоже телевидение! – Я сделал вид, что обиделся.

– Бросьте, мы для вас как экзотические животные в зоопарке, чудаки, которые бросили всё и живут в пещерах и шалашах. И чего нам, дуракам, не хватало?

Это было правдой. Я убрал с лица обиду, а англичанка снова принялась тыкать грудь в лицо своему детёнышу.

– Большой мир – это мир дьявола, это *ад*, в котором мучаемся мы, грешники, – поддерживал кормящую ее муж, бывший программист из Лондона. – Все думают, что грешники попадают в ад после смерти. На самом деле *ад* – это наша планета. Люди искупают здесь свои грехи. Только не все об этом догадываются и грешат еще больше. Мы же хотим создать духовный оазис, маленький островок покоя и счастья посреди этого ада. Земля – это космическая тюрьма для душ неких существ из лучшего мира. Это обитаемый остров, где каждый день приходится выживать и где до ближайшей возможной цивилизации тысячи световых лет. В любом случае даже подходящей «шлюпки» у землян нет, чтобы попытаться сбежать отсюда. Это ли не наказание? Мы живем в космическом Алькатрасе, закованные, как в кандалы, в оболочки из плоти и крови. Выход из этой тюрьмы только один – смерть. Но чтобы лишить нас этого соблазна, нашу память о прежнем мире стерли. И не только из трусости мы цепляемся за эту жизнь. Добровольно ушедших с Земли постигнет еще более страшная кара. Чтобы нас простили *там*, – мужчина поднял палец к небу, – нам надо очень постараться *здесь*.

– Оригинальная трактовка Библии, – сказал я. – Вы верите, что в каком-то уголке этого космического Алькатраса можно обрести Рай? Это все равно, что попытаться отгородиться ширмой от сокамерников и попросить их не беспокоить вас.

– Большой мир уже не властен над нами. Да, мы верим в то, что такие райские островки можно создавать на планете. Когда люди увидят это, они начнут меняться, – ответил сумасшедший программист, одетый лишь в клетчатый саронг – длинную набедренную повязку, одновременно заменяющую индийским мужчинам трусы и брюки. – Человечество запуталось в сетях своих пороков. Еще немного – и люди истребят сами себя, – добавил он, и я снова вспомнил о своих размышлениях про термитов и акул, отметив, что даже таким разным людям, как мы с этим чудачком в саронге, в голову могут приходить одни и те же мысли. «Наверняка, – подумал я, – об агрессивной человеческой сущности иногда задумываются даже киллеры».

...Вечернее солнце заливает розовой пастелью океан и теплый белый песок, в который приятно зарывать ноги по щиколотку. Наблюдая за тем, как песок из белого превращается в розовый, за редкими розовыми облаками, за розовыми коровами, забредшими на пляж, я теряю ощущение реальности. Коров в Индии нельзя ни доить, ни есть. Для индусов коровы священны. Ощущая свою не востребованность, коровы слоняются всюду без дела, сбиваясь в стада, наподобие стай бродячих собак. Низкорослые и тощие, они находятся в постоянном поиске пищи.

Я принялся рассматривать группу молодых людей с дредами на голове. Они по очереди раскуривают чилос – толстую глиняную трубку, набитую марихуаной. Многие любители этого

занятия специально приезжают в Индию, чтобы покурить дешевой травы, благо местная полиция закрывает на них глаза.

Обладатели длинных дредов, пытающиеся попасть в нирвану при помощи глиняного приспособления в свете угасающего заката ходят на каких-то инопланетных существ. От поднявшегося со стороны океана теплого ветра дреды на их головах извиваются подобно змеям на голове горгоны Медузы. Я представил, что сам прилетел с другой планеты и пытаюсь взглянуть на все глазами пришельца. Мне нравится эта игра, которую я придумал когда-то в детстве. Однажды в синем безоблачном небе я увидел объект, похожий на большую гантель. Он выделял немыслимые пируэты. Его явно внеземное происхождение не вызвало у меня тогда ни сомнений, ни удивления, как будто это было абсолютно естественно. «Гантель» приблизилась, мигая разноцветными шарами, и какое-то время мы изучали друг друга. С тех пор для меня не существует вопроса – есть ли жизнь где-то еще? Я твердо знаю – да. И часто представляю себя на месте инопланетянина, который впервые попал на Землю. Эта игра забавляет меня. Многие вещи начинают казаться смешными и нелепыми. Ты как бы видишь все со стороны. Сейчас я вижу перед собой забавных, зеленых от натуги человечков, всасывающих в себя дурманящий, вонючий дым. Наркотические вещества, содержащиеся в нем, попав через легкие в кровь, достигают мозга, а затем и центра удовольствия. Собственно, получение удовольствия и есть единственная цель человечков. Возможно, даже смысл жизни. «Инопланетяне» по очереди зажимают конечностями короткую глиняную трубку с тлеющим внутри нее огнем и прикладывают к отверстию в голове, которое обхватывает эту трубку круглой присоской. Затем человек издает громкий втягивающий звук, и пламя в трубке разгорается сильнее, выхватывая из наступающей темноты другие отверстия в голове «инопланетянина». Два маленьких отверстия прямо над присоской, два других – выше, они закрыты влажными пленками. Еще два отверстия расположены по бокам в виде морских раковин. «Видимо, эти дырки служат им органами обоняния и осязания», – подумал я, вообразив себя бестелесным исследователем из далекой галактики, прилетевшим на Землю.

Когда присоски «инопланетян», обхватывающие трубку, открывались шире, в их глубине были видны острые, как у хищников, резцы.

– Ты заснул, что ли? – Гусев толкает меня в плечо. – Я с тобой разговариваю!

– Чего тебе? – я неохотно отвлекаюсь от своих наблюдений.

– Ты Петрову насчет Чечни что ответил?

– А что я ему мог ответить? Какие у меня были варианты? Группу в Грозном надо менять через неделю. Вернемся в Москву, пару дней отдохнем, и компания «Чечен-трэвел» доставит вашу задницу, Павел, в самое пекло земного Ада!

Журналисты любят шутить по поводу «Чечен-трэвел». Возможно, после окончания войны туристическая компания с таким названием действительно появится.

* * *

Продюсеру Петрову я привез темный ром в пузатой бутылке и гоанский порто. Он покрутил бутылки в руках, посмотрел сквозь них на зимнее солнце за окном, потом на меня. Его гигантский глаз плавает и переливается в жидкости, как заспиртованный. Но глаз живой. Он моргает и изучает меня как насекомое через лупу.

– В Чечню надо ехать через три дня, пятнадцатого декабря, – сказал Петров, продолжая смотреть на меня сквозь бутылку с ромом, и его увеличенный рот кажется хищной акульей пастью. – Работать в этот раз будешь для «Новостей». Но, если успеешь, можешь снять какое-нибудь документальное кино. Это у тебя неплохо получается. Только тему не забудь с нами согласовать.

Довольно крикнув, Петров убрал бутылки в шкаф.

– Кого возьмешь оператором?

– Гусева, как всегда, – ответил я.

Петров кивнул.

Настя встретила меня в двухкомнатной квартире на Новослободской, которую купила тайком от мужа-банкира на сэкономленные от карманных расходов деньги. В моей съемной квартире она отказывается встречаться. Говорит, продавленная тахта и обшарпанные обои мешают ей возбудиться.

Она прыгнула на меня сзади, как дикая кошка на долгожданную добычу, как только я переступил порог. Кстати, именно добычей я себя чаще всего и чувствую. Одним из ее удобных приобретений. Но меня устраивает такое положение вещей. Настя никогда не задает лишних вопросов, умеет слушать, и у нее красивая грудь. Не большая и не маленькая, где-то между вторым и третьим размером, как раз такая, как я люблю, – упругая и почти помещается в ладонь. В общем, «правильного формата», говоря телевизионным языком. Но главное в женской груди для меня не размер, а форма и соски. Они у Насти идеальные. Ко всему перечисленному прилагается стройная фигура, длинные ноги, милое личико со слегка вздернутым носиком, голубые глаза и стильное каре. К тому же Настя далеко не дура, хоть и блондинка. На вид ей чуть больше двадцати, но на самом деле думаю, что под тридцать. Глаза выдают некоторый жизненный опыт. Свой возраст она скрывает даже от меня, но я никогда не настаивал на этой эксклюзивной информации.

– Как я соскучилась по моему сладкому пончику! – Настя впилась зубами мне в шею.

– Привет! – сказал я. – Я же просил не называть меня пончиком! У меня ни грамма лишнего жира!

– Пончик не потому, что толстый, а потому, что тебя хочется съесть. Придется терпеть! Буду называть тебя пончиком, пока мне не надоест! – Настя соскользнула с моей спины на пол. – Есть будешь?

– Нет, спасибо. Перекусил в Останкине.

Когда Настя предлагает поесть, это вовсе не означает, что она бросится к плите готовить или уже напекла к моему приходу блинов. Еду она всегда заказывает домой в одном из ближайших ресторанов. В сами рестораны мы с ней никогда не ходим. Настя боится столкнуться со знакомыми или деловыми партнерами мужа. – Его знает вся Москва! – говорит Настя про своего мужа-банкира Бориса. – Ну, и меня тоже, ведь я почти всегда с ним.

Так что мы с Настей никуда не выходим вместе, и меня это абсолютно устраивает. Я ненавижу шумные места, потому что устаю от людей на работе и в командировках. Я называю это интоксикацией от общения, а Настя называет меня мизантропом. Что ж, людей я действительно люблю гораздо меньше, чем, например, животных.

В итоге наше с Настей общение сводится к сексу. Мы с ней – идеальная пара, потому что получаем друг от друга то, что нам нужно. Мы никогда еще не ругались, хотя встречаемся уже полгода.

Познакомились мы случайно, как и большинство людей. Как ни странно, впервые я увидел Настю на премьере нового художественного фильма о чеченской войне. В редакции раздавали пригласительные, и мне как репортеру, периодически освещающему эту самую войну, дали два билета. Видимо, в расчете на вторую половину. Место половины было недели две как вакантным, и я предложил второй билет оператору Гусеву, от которого тогда ушла жена к массажисту, которому Пашка однажды доверил шейно-воротниковую зону любимой. Но подонек вероломно пошел дальше, не остановившись ни на пояснично-крестцовом отделе, ни на ягодичных мышцах. И когда Пашка вернулся из командировки на день раньше, то застал свою неверную, похабно покрасневшую под рыжим массажистом и мычащую от счастья, словно священная корова, которую наконец-то кто-то подоил. Банальная, в общем, история.

Фильм, как и следовало ожидать, оказался пафосным и скучным. Томные актеры с влажными глазами делали мужественные лица и, стреляя в неприятеля, успевали геройски шутить друг с другом. Когда главного героя в середине фильма ранили и он стал театрально страдать, Гусев громко заржал. Еще бы! Перед самым показом мы видели этого актера в фойе здравыхонького. Он что-то плел на ухо краснощекой девице. Половина зала с негодованием обернулась, и нам пришлось ретироваться в буфет. В буфете я и увидел Настю. Она появилась в моей жизни между второй и третьей рюмками «Хеннеси». Как потом выяснилось, на премьеру ее пригласил знакомый продюсер.

– Как ты загорел, стал совсем черным! – после бурного секса, который я предпочел китайской еде из ресторана, Настя гладит меня как кота. Я с удовольствием играю роль уютного домашнего животного, попавшего в руки гламурной девушки. Тихо радуюсь, что сегодня Настя не взяла с собой на конспиративную квартиру моего конкурента – йоркшира, гадкого кобелька по кличке Тони, с которым мы люто ненавидим друг друга. Однажды Тони нагадил мне прямо на подушку, за что я едва не вышвырнул его в окно, а в другой раз – на абсолютно новые ботинки. По-мужски я понимаю Тони, он ревнует хозяйку и демонстрирует это, как может. Но с тех пор Тони – единственное животное на Планете, которое я ненавижу.

– Как там в Индии? – спросила Настя.

– Там океан, – лаконично ответил я и включил телевизор. Мне не хочется развивать тему. Телевизор я смотрю только у Насти или на работе. Хозяйский, в съемной квартире, не работает, и я вижу в этом только плюсы.

– ...На западе Кении обезумевшая толпа заживо сожгла 15 женщин. Их обвинили в колдовстве, – бодро объявила диктор.

Я стал переключать каналы.

– Откровения маньяка, серийного убийцы и насильника в нашем специальном выпуске... задержана подозреваемая в убийстве собственного ребенка... в результате дорожного конфликта мужчину забили битами... произошли столкновения на национальной почве, есть жертвы... в США от пули каждые 30 минут погибает ребенок... в Индии 10 мужчин до смерти изнасиловали студентку... люди гибнут от голода... очередной теракт...

Я выключил телевизор.

– Через пару дней уезжаю Чечню, – сказал я Насте. – Недели на две.

– Бедненький пончик! – она снова стала меня гладить, почесывать за ухом и нарочито причитать, изображая дурочку. Почему-то ей кажется, мне должно это нравиться. – Пончика снова отправляют в командировку! На войну! Ты же недавно там был!

– К Новому году, если все будет хорошо, вернусь. Хотя мы с тобой все равно праздники никогда не отмечаем вместе.

– Глупый! Ну конечно, вернешься! Какой же ты пессимист! – вздохнула Настя. – Зачем так говорить?

– У нас так принято. Никогда ничего нельзя знать заранее на сто процентов. Поэтому со словами надо быть осторожным.

– Я приготовлю тебе подарок, – сказала Настя.

– Мужу своему приготовить не забудь, – я встал с кровати.

– Хам!

– Я позвоню.

Кажется, мы только что почти поругались. В первый раз.

Часть первая. Добро пожаловать в Ад

За время, пройденное мною от сперматозоида до специального корреспондента, я научился любить, ненавидеть, лгать, приобрел некоторые знания и первый сексуальный опыт в университете, отслужил в армии, освоил ремесло журналиста, прочел немало книг, расширил кругозор и сексуальный опыт. Одним словом, начал кое-что понимать в женщинах и жизни. У меня появились привычки, цели, расставились приоритеты. Всё вышеперечисленное моя память сохранила где-то в глубинах серого вещества, сформировав мою личность. Ведь мы состоим из знаний о себе. И существуем, пока помним сами себя. И вот здесь таится загвоздка. Мысль о том, что всё рано или поздно пойдет прахом только потому, что все мы смертны, то есть когда-нибудь забудем себя, иногда ввергает меня в уныние. Наверняка так или иначе об этом думает каждый из семи миллиардов гостей на Планете землян. Но я утешаю себя – мог бы вообще каплей на простыне высохнуть и ничего не увидеть! А аргумент, что именно я, будучи сперматозоидом, добился успеха в битве за яйцеклетку, внушает оптимизм и наполняет смыслом мое существование. Если смог я тогда, еще бестолковым головастиком, пробиться к своей цели, опередив миллионы конкурентов, то не зря, стало быть, все это и есть у меня здесь какая-то своя, особая *роль* и *миссия*. Но все-таки миссии мне мало. Как и большинство землян, я хочу верить, что личность живет вечно. Особенно остро мне требуется убедиться в этом перед военными командировками. Поэтому сейчас я иду в церковь.

«Пошла отсюда!», – шикаю на ворону, но та и не думает отставать. Она летит совсем низко, почти касаясь меня крыльями и что-то каркает мне прямо в ухо. Со стороны может показаться, что мы заодно и идем куда-то вместе. Точнее, я иду, а она летит рядом, иногда скача по веткам, встречающимся на ее пути, и отчитывает меня за что-то, как сварливая жена. Черные бусины глаз норовят заглянуть прямо в душу, и я отворачиваюсь, отмахиваясь от вороны. А она все каркает и каркает, словно пытается сказать что-то важное на своем вороньем языке.

Захожу в церковь, покупаю свечи в маленькой церковной лавке. Старушка, которая их отсчитывает, похожа на няню, которая была у меня в детстве. У нее такие же грубые руки с вьевшейся в них землей и нарочито строгое лицо.

Когда мне было полтора месяца, умерли мамины родители. Сначала умер дедушка, а через пять дней бабушка. Она не смогла жить без него. Меня простудили на похоронах – стоял холодный апрель, а квартиру часто проветривали. Врачи констатировали двухстороннее воспаление легких и сказали родителям: готовьтесь – не выживет. Старухи у подъезда шипели: два покойника в доме, третьего не миновать. Но Господь решил иначе. И я выжил. Тогда, чтобы сидеть со мной после выздоровления, позвали няню. Бабу Таню. Набожную деревенскую женщину, которая каждый день обтирала меня холодной водой, чтобы закалить хилый организм, и выводила гулять, даже если на улице стоял мороз. Родители считают, она меня выходила. Несмотря на кажущуюся грубость, руки ее были очень мягкими и нежными.

Старушка в церковной лавке похожа на бабу Таню. Мне стало уютнее, осадок от встречи с вороной ушел. Встаю прямо под купол церкви и неумело, чуть стесняясь, крещусь. Прошу Бога оставить меня в живых и не калечить. Я считаю молитву делом очень интимным. Поэтому специально прихожу в церковь, когда в ней не идет служба. Нет посторонних людей, неистовых старух, разбивающих лбы о церковный пол, и косых взглядов. Мне всегда почему-то кажется, что в церкви на меня кто-то осуждающе смотрит. Я плохо разбираюсь в именах святых, церковных праздниках и ритуалах. Но я всегда молюсь. Молюсь как умею. Искренне. У меня есть свои молитвы и слова, с которыми я обращаюсь к Богу.

Надо сказать, я хожу в церковь, не только когда мне что-то надо от Господа. Стараюсь заходить и просто так, чтобы Бог не думал, что я корыстен.

Но сегодня я прошу:

«Спаси и сохрани, Господи! Господи, Отче наш, Иже еси на небесех...»

Восковые свечки тают в моих руках, гнутся, и я спешу предать их фитили пламени, выпрямляя мягкий воск руками, ставлю свечи перед распятием и образами святых.

«Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...»

Свечи разгораются, не чадают, пламя ровное. Я вижу в этом хороший знак.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь. И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого!»

Ставлю оставшиеся свечи перед иконами, крещусь и бормочу уже на свой лад слова благодарности Богу, прошу за родных и близких.

Зимнее солнце бьет в оконные витражи, его лучи прыгают солнечными зайцами по рамам и подсвечникам. Сегодня в это время в церкви я совсем один. Только «баба Таня» беззвучно шевелит губами, читая молитвы по такой же старой, как и сама она, книге.

Выйдя из церкви, я еще раз перекрестился, задрал голову к сверкающим куполам, вдыхая морозный воздух. Все будет хорошо...

* * *

– Тебе снова повезло, Ваня! – хлопнул Гусь по плечу Ивана Севрюгина, видеоинженера, страдающего аэрофобией, когда самолет приземлился.

В Грозном нет аэропорта. За восемь лет войны от него ничего не осталось. Как и от самого Грозного. Летать в мертвый город гражданским бортам незачем. В чеченском небе появляются только истребители, бомбардировщики да военные вертушки, которые боевики периодически сбивают. Поэтому мы пробираемся в Чечню через Минеральные Воды. Это курортное место известно лечебной минеральной водой и первоначальной могилой убитого на дуэли Лермонтова, находящейся в соседнем Пятигорске. Со времен Лермонтова на Кавказе мало что изменилось. Русские солдаты по-прежнему воюют с «горцами».

Аэропорт Минвод наполнен преимущественно бородатыми мужиками, которые кого-то встречают или куда-то улетают. Они шумно обнимаются, похлопывая друг друга по плечам, трутся щетинами в знак приветствия. На Кавказе так принято. Большинство из них смахивают на боевиков, которых полевые командиры поощрили краткосрочным отпуском.

Лема позвонил мне на мобильный, как только мы получили багаж.

– Аллю, Миша, – слышу в трубке знакомый, низкий, с хрипотцой голос. Лема говорит с легким акцентом, – я на месте.

– Хорошо, будем минут через десять, – ответил я.

Лема – чеченец, ему за пятьдесят. Подрабатывает тем, что возит в Грозный телевизионщиков. Мы доверяем ему. Лема никогда не опаздывает и всегда конспирируется. Он опасается, что нас могут похитить и потом требовать выкуп у телеканала. Мы тоже этого боимся. Журналисты – лакомый кусок для местных торговцев людьми. Стараемся не привлекать к себе внимания, но нас выдает аппаратура.

– Эй, какой канал? – кричит бородатый таксист, видя большую камеру «Бетакам» в руке Гусева. – В Грозный едете? Давай отвезем, эй, недорого!

– Отвезешь, отвезешь. К брату своему в зиндан отвезешь, – злобно шипит Гусь бородачу.

– А что, много за тебя дадут? – хохочет тот. – Я слышал, тут одних телевизионщиков за миллион долларов выкупили! Правда, э?

– А ты у своего брата-миллионера спроси. Он с тобой не поделился, что ли? – огрызается Гусь.

Бородатому шутка понравилась, и он снова захохотал, скаля белые резцы.

Несмотря на середину декабря, погода почти весенняя. Солнце, выглянувшее из-за горы Змейки, покрытой Бештаугорским лесом, растопило редкие островки снега на площади, и мы пытаемся обходить лужи и грязь, в которой тощие голуби делят корку хлеба.

– Смотри, не то что в Москве. Там голуби жирные, падлы, даже летать разучились, пешком ходят, – прохрипел Иван Севрюгин. Две огромные сумки с аккумуляторами и другим съёмочным «железом», килограммов по тридцать каждая, висят на нем крест-накрест. Лямки от сумок – как пулеметные ленты на груди матроса мятежного корабля. Они впиваются Ивану в его полное тело, сдавливая шею и мешая говорить.

– С приездом, парни, – Лема каждому жмет руку и приобнимает. Мы тоже приветствуем его на кавказский манер, слегка приникая щеками к щеке и похлопывая по широкой спине.

Североосетинский Моздок между Минводами и Грозным. Как в любом прифронтовом городе, здесь чувствуется дыхание войны. На улицах много боевой техники и военных, санитарных машин с красными крестами, везущих раненых в госпитали или в аэропорт, для отправки в Москву. Моздок – крайняя точка мира. Слово «последний» на войне не говорят. На войне за это слово бьют по морде. Потому что оно больно режет ухо острой, как бритва, тоской. Нельзя говорить «последний день, последний кусок хлеба, глоток воды»...

Перед тем как въехать в зону боевых действий, журналисты на здешнем рынке закупают продукты и водку на все время командировки. И частенько коротают крайний перед Чечней вечер в обществе недорогих местных проституток. Но сегодня мы не будем ночевать в Моздоке, а сразу поедem в Грозный. Группа, которую мы меняем, уже снялась с места. Теперь эфир голый и времени у нас в обрез. Главное – успеть приехать на базу до темноты. Ночью и федералы, и боевики без разбору стреляют по всему, что движется.

На рынке «Газель» заполняется коробками с макаронами, китайской лапшой, тушенкой, колбасой, хлебом, консервами. Бывший мичман, а ныне видеоинженер Иван Севрюгин похозяйски торгуется с рыночными тетками, пытаясь сбить цену. Но те твердо стоят на своем, зная, что деваться нам все равно некуда и заплатим столько, сколько просят. Через моздокский рынок ежедневно проходят десятки офицеров, контрактников, солдат-срочников и журналистов. Покупают все одно и то же. Для местных рынок – стабильный, хороший доход. Берем несколько ящиков водки. Водка в Чечне – валюта. За бутылку можно организовать БТР, чтобы добраться до места съемок. С помощью водки можно узнать много полезной информации, завязать нужные знакомства, снять напряжение. Словом, без водки на войне – никуда. Подумав, я взял еще ящик. Пятый...

В машине всех, кроме Лемы, сморило, а через какое-то время он нас разбудил, остановившись перед мрачным дорожным указателем «ЧЕЧНЯ»:

– Просыпайтесь, парни, въезжаем.

Мы разлепили веки и вывалились из машины.

– Кому отлить – делайте прямо здесь, на дороге, – сказал Лема. – На обочину не суйтесь – могут быть мины. До самой базы останавливаться не будем.

Да мы и так все это знаем. Помочились на дорогу. Обычно техником в Чечню со мной ездит Влад Шестунов. Но недавно в небольшой автомобильной аварии он потерял зуб, а операция по внедрению в его челюсть чужеродного импланта пришлась как раз на сроки нынешней командировки. Вместо Влада в этот раз поехал Иван Севрюгин. Наверняка Шестунов сейчас елозит в кресле стоматолога, мокрый от страха... О том, какую роль его выбитый зуб сыграет в нашей судьбе, мы узнаем чуть позже...

Иван закурил. Гусь не курил никогда, а я бросил лет восемь назад. Поеживаясь, все установились на изрешеченный пулями, превратившийся в сито указатель «ЧЕЧНЯ», символизирующий условную границу между двумя мирами. Еще в середине девяностых, во время первой чеченской, кто-то чуть ниже приписал на нём: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД!» Такая же надпись есть при въезде в Грозный...

* * *

Первые километры территории *Ада* ничем новым не удивили. Всё, как месяц назад, когда мы с Гусем были в Чечне крайний раз. Так же, как и в другие наши осенне-зимние командировки. Те же серые, унылые кавказские степи – местами заснеженные да поросшие сухим бурьяном. Вдалеке – плоский силуэт гор, словно нарисованный карандашом на бумаге, вырезанный ножницами и искусственно приклеенный к общей картинке.

Редкие блокпосты федералов: бетонные блоки под масксетью, мешки с песком, красно-белые полосатые шлагбаумы да полинявшие от солнца, дождя и снега, кое-где пробитые пулями российские триколоры. Бойцы в камуфляже проверяют документы и груз, стреляют закурить, справляются о земляках среди нас. Иногда встречаются чеченские села. Многие абсолютно целы, как будто и войны никакой нет. Только редкие жители с любопытством рассматривают белую «Газель» с тонированными стеклами, да собаки лают нам вслед. Но буквально кожей ощущаешь напряжение взведенной до отказа пружины, готовой в любой момент сорваться и запустить какой-то чудовищный механизм. Села стараемся проезжать быстрее. В них даже федеральные войска без крайней нужды и крепкого боевого прикрытия не заходят. Поскреби любое село – и найдешь боевиков, факт! Словно читая вслух мысли остальных, Гусь кричит Леме, имитируя кавказский акцент:

– Давай, Лема, давай да-ра-гой! Пока они нас как баранов в горы нэ увели или нэ зарэ-за-ли!

Лема жмет на газ. Ему тоже не хочется общаться с «бородатыми зайцами», как иногда называют боевиков. Он чеченец, сотрудничающий с федеральными властями.

Впереди показался очередной блокпост. Даже издалека видно оживление. Бойцы напряженно смотрят в нашу сторону, кто-то поднял снайперскую эсвэдэшку и изучает машину в оптический прицел. Между бетонными блоками люди в камуфляже таскают ящики. Когда мы подъехали ближе, навстречу вышли сразу четверо бойцов, держа машину на прицеле. Блокпост ошестинился стволами.

– Ваня, не вздумай громко портить воздух, – язвит Гусь, – изрешетят в ответ и даже не моргнут.

– Тогда я по-тихому испорчу, – зловеще отвечает техник.

– Кто такие и куда? – задает вопрос старший. Судя по всему, офицер, но знаков различия на камуфляже нет. Конспирируется от снайперов боевиков.

– Телевидение, – отвечает Лема. – Журналисты из Москвы в Грозный. Мы протянули аккредитационные и журналистские удостоверения.

– Что-то припозднились вы сегодня в Грозный, – сказал офицер, возвращая документы. – Через час темнеть начнет, а в нашем районе уже сейчас команда «стоп колеса». Вон за тем холмом, – он махнул рукой в направлении Грозного, – банда орудует. Прямо к ним в лапы попадете. Так что не могу я вас пропустить, парни. Останетесь у нас до утра.

– У меня свое начальство, товарищ...

– Майор, – ответил он, поёжившись. Вместо «звездочек» на плечах его камуфляжа я разглядел по дырке.

– У меня свое начальство, товарищ майор, – сказал я, удивляясь, что делает целый майор на этом забытом богом блокпосту. – Сегодня группа должна быть в Грозном. Сейчас на базе никого нет, кроме технарей. Случится что-то, а в эфир выходить некому. Для телеканала это катастрофа.

– Тоже мне – катастрофа! – отогнув брезентовый полог, заменяющий входную дверь, офицер крикнул в черноту дота: – Столетов!

В бетонной утробе раздалось шарканье сапог, сопение, и через пару секунд в проеме показался черный силуэт.

– Размести журналистов на ночлег, накорми и покажи, что к чему, утром поедут в Грозный, – приказал майор и, давая нам понять, что разговор окончен, добавил: – Вечером посидим, расскажете московские новости.

В ноздри ударил запах кирзы, кислого человеческого пота, перловой каши, гуталина и печного дыма. Свет тусклой керосиновой лампы выхватывает из темноты фрагменты железных коек с панцирными сетками, босые ноги, лежащие на голых, без постельного белья, матрасах, пустую оружейную пирамиду. Автоматов в пирамиде нет, они стоят с пристегнутыми магазинами рядом с койками, прислоненные к бетонным блокам, из которых составлены стены дота. Бревна подпирают деревянные доски, заваленные сверху мешками с песком и обтянутые снаружи масксетью. Несколько бойцов спят. Они даже не шелохнулись, когда наш провожатый громко гаркнул:

– Не обращайтесь внимания! Не проснутся, суки потные, даже если из пушек палить начнут!

Мы пробираемся вдоль бетонных стен, обклеенных фотографиями голых девиц и увешанных гранатометами, в самый конец помещения. Там стол, сооруженный из пустых ящиков, над ним тлеет еще одна лампа. Рядом трещит поленьями буржуйка.

Старший сержант Федор Столетов, контрактник, оказался довольно словоохотливым. Ловко накрывая на стол, рассказывает, что стоят они здесь пару недель и скоро их должны сменить. Что блокпост укомплектован исключительно контрактниками, всего их вместе с майором 15 человек, а сам Федор приехал на войну из вологодской деревни на заработки. Дома работы нет, а если бы и была, то получал бы он за нее раз в пять меньше, чем здесь, на войне. В Чечне Федя Столетов уже полгода, успел повоевать и даже «завалить» двух «духов» во время одной из зачисток, которую их подразделение проводило вместе с «вованами». Говорит он обо всем этом спокойно, обыденно и без бахвальства, словно обсуждает последние деревенские новости – у кого корова отелилась, к кому родственники из города приехали, а кому глаз на дискотеке подбили. Деловито нарезав буханку чёрного широкими ломтями, он мастерски открыл штык-ножом одну за другой четыре банки тушенки и, нацепив на белобрысый ёжик волос ушанку, отправился за дровами для буржуйки. Мы тоже достаём свои запасы, увенчиваем гору консервов парой бутылок «Столичной». Лема вздыхает, он планировал к ночи вернуться домой. Гусь осоловело молчит, ему уже все равно – завалиться бы побыстрее на боковую. Но тут с треском рвется брезент. В проеме за майором мелькает топленое молоко угасающего дня. Уверенно обходя торчащие босые ноги и острые углы ящиков с боеприпасами, он бесшумно приблизился к столу. Зыркнул на «Столичную», присел на пустой ящик. Сняв ушанку без кокарды, положил ее рядом:

– Ну как там Москва?

* * *

...Пацан лет пяти, босой, бежит по пыльной дороге. На нем только шорты, сам мальчишка весь черный от южного загара и похож на индейца. Его русые волосы выгорели и стали белыми. Ноги зарываются в дорожную пыль по икры.

– Миша-а-а! – доносится из-за забора голос его бабушки. – Со двора ни ногой! – Вернись сейчас же! – бабушка делает строгий вид и грозит кулаком. – Вот я папе с мамой телеграмму дам и расскажу, что ты бабушку не слушаешься!

Мальчишка уныло плетется обратно, по дороге прихватив длинную палку, и чертит ею круги и полосы в пыли, которая хорошо подходит для рисования. Можно, как на грифельной доске, вывести рожицу, а потом разровнять босой ногой пыль и нарисовать что-то снова.

– Иди, черешню поешь, я тебе целую миску намыла, – лицо бабушки уже не такое строгое.
– Не хочу я черешню, я купаться хочу! – ноет мальчишка.
– А кто ж тебе не дает, я вон тебе корыто во дворе водой наточила, купайся!
– Я на речку хочу! Не хочу в корыте!
– Вот папа приедет, будешь с ним и на речку ходить, и на море! А пока я за тебя отвечаю, будешь в корыте купаться!

Пацан этот – я. Баба Миля, Мелания Емельяновна – моя бабушка, мать моего отца. К ней на Кубань родители привозят меня каждый год.

Вздыхаю, смотрю на высокий-превысокий тополь, упершийся вершиной в выцветшее от солнца бледно-голубое небо. «Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ух!» – шумит тополь листвой, когда его верхушку качает горячий кубанский ветер. Шелест этот волнует меня. Тополь будто зовет, разговаривает о чем-то, спорит, бунтует, размахивая задранными кверху лапами. Тополь ничей, он сам по себе вырос на улице лет сто назад и, хотя стоит ближе к дому соседей Щипалиных, растет все-таки перед их калиткой, а не за ней. Значит, тополь ничей и по нему можно лазить. Если из бабушкиных простыней соорудить парашют, можно попробовать прыгнуть с тополя, прикидываю я. Но пока у меня есть другие важные дела.

Крадусь вдоль белой стены хаты, пачкаясь в побелке, мимо колючих кустов шиповника, малины и черной смородины, листья которой, разогретые солнцем, источают дурманящий аромат. В самом конце стены под камнем спрятаны спички и целлофановые пакеты. Беру палку, обматываю ее целлофаном и подбираюсь к муравейнику, облепившему угол дома. Муравьи, похоже, чувствуют себя здесь хозяевами и частенько заходят по своим тайным проходам внутрь бабушкиной хаты. Они проложили тропы к буфету, в котором всегда есть драже и сахарные трубочки, купленные в местном сельпо бабушкой для меня.

Поджигаю целлофан. Горящие капли с ревом «катюш» устремляются на землю. Огненный дождь, обрушившийся «с небес», вызвал панику среди трудяг-муравьев. Основной удар пришелся на тропу, по которой насекомые организованным караваном таскали яйца личинок и соломинки в свои жилища. Толпа муравьев несла даже огромную полураздавленную пчелу. Пчела была еще жива и отчаянно сопротивлялась. Но это не помогало. Муравьи деловито тащили ее в свое жилище, не спрашивая на то желания. Страдания пчелы и страшный ее конец – быть съеденной заживо толпой настырных насекомых – прервала огненная лава, которая лилась откуда-то с неба. Возможно, муравьи подумали, что это их муравьиный бог, прогневавшись за что-то, наслал на них небесный огонь, убивший и пчелу, и тех, кто хотел ее съесть, превратив в пластиковое плато муравьиную тропу. Конечно, несчастным было невдомек, что причина их страшной, но быстрой смерти – всего лишь в сахарных трубочках и разноцветном драже. Порой невозможно понять, почему в жизни случаются те или иные вещи.

Но тут прямо надо мной прогремел гром. Оглушил. Я посмотрел в почерневшее небо, на согнутый ветром тополь, и мне показалось, что сам я превратился в муравья.

– Миша-а-а-а! – зовет меня бабушка Миля, стоя на крыльце. Ее голос тонет в раскатах грома. – Миша-а-а-а! Гроза идет, быстро в дом!..

* * *

– Миха! Миха! – я медленно открываю глаза и первое, что вижу – фотографию мулатки с грудями, похожими на дыни сорта «Торпеда». Мулатка похотливо улыбается мне с бетонной стены, но я не могу сосредоточиться на ее сиськах – все трясется. Наконец соображаю, что трясусь я сам, точнее, это Гусь трясет меня за плечо, пытаясь разбудить:

– Вставай быстрее, «духи» на блокпост напали!

Недалеко ухнуло, потом сразу еще раз. Бетонные блоки-стены подпрыгнули, и с потолка просыпалось немного песка. Шлюхи на постерах мерзко выгнулись, тряхнули сиськами и снова замерли в развратных позах. Началось, сука!

Блокпост теперь напоминает муравейник, который кто-то пытается разорить.

– Живее, суки! Всем разобрать патроны и гранаты! – орет откуда-то из дальнего угла майор.

Я не вижу его, но точно знаю, что это он, хотя и голос какой-то другой. Вспоминаю, что накануне пили с ним водку часов до двух ночи, говорили про Москву, женщин и мирную жизнь. Зовут его Саша. Кажется, он из Марьино. Смотрю на часы – половина четвертого ночи. Выходит, спал всего полтора часа. Хмель слетает мгновенно, под ложечкой начинает мерзко сосать. Ненавижу это состояние, которое уже не раз испытывал в «горячих» командировках. Каждый раз возвращается этот мерзкий животный страх, доставшийся от моих первобытных предков. Страх, за который себя ненавижу и к которому никак не могу привыкнуть. Страх за собственную шкуру. Инстинкт самосохранения.

– Гусь, камера! – ору Пашке, пытаюсь подавить внутреннюю панику. Но это лишнее. Гусь профессионал и сам знает, что делать. Вместо большого «Бетакама» они с Иваном готовят к съемке маленькую цифровую «Соньку», которая может снимать даже в темноте в инфракрасном режиме. Военные сейчас делают свою работу. А мы обязаны делать свою. Через маленькую амбразуру дота расстреливает ночь из крупнокалиберного пулемета какой-то парень. Широко расставленные ноги в коротких берцах, камуфлированные штаны, а сверху – гражданский, не по форме, джемпер – «вшивник». По белокрысому ежику узнаю Столетова. Стреляет Столетов длинными очередями и, судя по всему, вслепую. Не видно же ни черта, просто стрижет сухие кусты, чтобы боевики не подобралась вплотную.

Зацокали, застучали пули по бетонке свинцовым дождем. Страх тошнотворным комом подкатил к горлу. Хочется плевать. Заснуть и проснуться, когда все закончится. Или просто проснуться, чтобы все это оказалось сном. Спрятаться. Убежать. Прикинуться страусом и засунуть голову в песок. Вернуться на машине времени назад, к бабушке в кубанскую станицу Варениковскую, когда о войне узнавал только из книг о пионерах-героях. Бабушка брала книги для меня в станичной библиотеке. Я читал их, страшно завидовал пионерам-героям и точно знал – войны в моей жизни не будет *никогда*.

– Ща из граников долбить начнут, и хана нам всем, братская могила! – орет, мечась между койками ошалевший контрактник, здоровенный детина. – Неделя до дембеля, до конца контракта, как знал, сука!

– Как раз помылись сегодня с утрца на ключе, чистое все надели. Не зря, стало быть, – спокойно набивая магазин патронами, сказал другой контрактник, с всклокоченными рыжими волосами и заспанным лицом.

– Заткнись, сука, хорош каркать, застрелю, падла! – детина с перекошенным лицом передергивает затвор, но падает, сраженный ударом в челюсть. Из темноты, как привидение, появился майор. Посмотрел на нас:

– Вот что, парни, хреново дело. «Духи» на нас вышли, похоже, много их. Пока издали щупают, но если всерьез возьмутся, долго не продержимся. Минут десять, и то при удачном раскладе. Говорю как есть.

Новый ком блевотины подкатил к моему кадыку. Хочется метаться, орать еще громче, чем отправленный майором в нокдаун детина, хлопающий сейчас, как бык, глазами навывкате. Из глаз детины текут слезы, из носа – кровавые сопли. Всхлипывая, он размазывает их по лицу.

Мой мозг парализован страхом. Истеричной птицей мечется и бьется о стенки черепа, пытаюсь найти выход и не находя его. Одна-единственная мысль – на хрена мне все это? Что я тут делаю? Почему так рано, ведь мне всего тридцать три? Зачем выбрал эту дурацкую профессию, зачем поехал в Чечню, ведь столько раз зарекался? Какое дело мне до всего, что тут

происходит? А ведь народ сейчас спит себе в Москве и других городах родины-гиганта и до одного места им вся эта Чечня! Настя! Что ей снится сейчас в постели с мужем? Чувствует ли, как близко стою я к черте, за которой, всем хочется верить, что-то есть, а на самом деле – *неизвестность*. И от этой неизвестности становится еще противнее, потому что билет в один конец – это слишком. Билет в страну Неизвестность – это чересчур, я на такую командировку не подписывался, не так рано, во всяком случае. Господи, ну пожалуйста!

«А что ты хотел? – спрашивает, как всегда некстати, мой внутренний двойник. – Ведь ты знал, что так может быть. Знал, но не хотел думать об этом. Об *ЭТОМ* люди вообще предпочитают не думать. Словно дети, которые прячутся под одеялом от чего-то страшного и непонятного, земляне гонят мысли о смерти. При этом каждый втайне надеется, что будет жить вечно. В сознании человека не укладывается мысль, что этот мир может обойтись без него. Большинство людей относительно спокойно воспринимают чужую смерть, отказываясь верить в свою». Но мое первое «я» не слушает двойника. Оно орет внутри: «Стоп, мы сейчас сойдем на этой станции, мы гражданские, а вы тут без нас разбирайтесь!» Но ведь не скажешь и не сойдешь никуда. Не убежишь в поле, не спрячешься за холмом, пока все утихнет, не вгрызешься зубами в землю, притворяясь сухой травой, пылью, снегом, грязью, лишь бы не заметили, лишь бы миновало, пронесло... Господи, как же хочется жить! Я сглатываю ком и сиплю Гусю с Иваном:

– Камеру не выключать, совсем. Писать все подряд.

– Да знаю я, – отвечает невесело Гусь. Внешне каждый из нас спокоен. Что происходит внутри – личное дело каждого.

– Мы по рации запросили помощь, но приказали пока держаться самим минимум час, пока не подойдут «вованы» – сказал майор. – Меньше километра к югу самарчане стоят, но их тоже долбят. Две красные ракеты с их поста видели, убивают их совсем. Вертушки работать не могут – темно. Остается артиллерия, но это крайний вариант, сровняют вместе с нами. Вы, это, в армии-то служили?

Мы киваем.

– Нас тут пятнадцать человек, – продолжает майор, – с вами – девятнадцать. Каждый ствол на счету, – офицер говорит быстро, но отчетливо, твердо как-то. – Заставить не могу, могу предложить – вон там, у стены, на плащ-палатке автоматы и боеприпасы трофейные. Возьмите, хотя бы за себя постоите, чтобы не просто так «духам» отдаться.

– Мы журналисты и не имеем права брать в руки оружие, – говорю я ему.

– Какие уж тут права! – машет рукой майор. – Впрочем, решайте сами! Хотя бы броники наденьте, – он исчез за брезентовым пологом.

Основная часть бойцов рассредоточена вне бетонного дота, по периметру блокпоста, между мешками с песком. Совсем рядом тяжело заработал АГС, с небольшими интервалами вдалеке стали рваться его гранаты. Гусь снимает в режиме ночной съемки какого-то бойца, поливающего темноту матом и свинцом. Оружие мы решили взять только в самом крайнем случае. Про бронежилеты спросить оказалось не у кого, все заняты делом. Вместе с Иваном мы присели на корточки, спрятавшись за мешками с песком. Гусю в его работе мы помочь сейчас ничем не можем. Несколько пуль противно свистнули, как показалось, совсем близко, над головами. А может, так только показалось. Над мешками проворно вскочил какой-то боец с гранатометом. Не целясь, саданул заряд в темноту и тут же снова присел. Сноп пламени от выстрела на мгновение выхватил из темени кусок масксети, бетонный блок стены и грязную глыбу льда под ней. Затем на долю секунды все снова погрузилось во мрак, еще больший, чем прежде, и одновременно новой короткой вспышкой от разорвавшейся гранаты вздрогнула земля. Бойцы беспорядочно расстреливают заснеженную степь, словно она повинна в их страхе, и лишь снайпер, сросшийся веком с резиновым окуляром прицела ночного видения, без лишней суеты выискивает свои жертвы, изредка делая выстрелы. В этот момент на противоположной стороне обрывается чья-то жизнь. Острая пуля эсвэдэшки разбивает чей-то

череп, пронзает сердце. Те, кто пришел забрать наши жизни, лишаются своих. Щелк! Щелк! – выполняет свою работу совсем молодой парень, лет двадцати двух, не больше. Он стоит прямо надо мной, просунув винтовку в узкую щель между мешками, совершенно спокойный. Лишь изредка деловито вытирает со лба струйки льющегося, несмотря на мороз, пота. Со стороны кажется, что боец стреляет в тире по жестяным зайцам и носорогам, пытаясь заполучить призовую плюшевую игрушку.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я «включаю инопланетянина» и пытаюсь посмотреть на происходящее его органами зрения. Как будто я инопланетный репортер, ведущий трансляцию на Галактику:

«Небольшие группы землян-самцов вступили в противоборство и пытаются умертвить друг друга с помощью железных трубок, плюющих огнем. Вместе с огнем из трубок с большой скоростью извергаются куски металла. Металл может с легкостью пройти сквозь тело землянина или разорвать его на куски, поскольку оно состоит на семьдесят процентов из жидкости и, несмотря на твердый скелет, напоминает желе, обтянутое тонким пергаментом. Злоба, ненависть и страх – эти чувства сейчас испытывают земляне-самцы по отношению друг к другу.

«Что стало причиной конфликта в этой части планеты, как и в других ее точках, где люди ежедневно истребляют друг друга, нашему разуму понять сложно».

Все закончилось также внезапно, как и началось.

– Прекратить огонь! – захрипел откуда-то слева майор. Разом все стихло, и в темноте стало отчетливо слышно, как где-то хрустнул снег, лязгнул затвор, кто-то сплюнул, где-то истерично хохотнули, а внутри дота громко и протяжно заматерились.

– Столетов! – позвал майор. – Проверить личный состав, доложить о потерях!

Минуты через три Федя Столетов доложил, что потерь нет. К счастью, никого не зацепило. Есть ли потери со стороны боевиков – точно определить невозможно. Предположительно трое убитых нашими снайперами, но трупы, если они были, «духи» наверняка забрали.

До утра уже никто не спал. Первый шок прошел, на смену ему пришло возбуждение, все стали делать шумные предположения – что это вообще было и почему банда оставила блокпост в покое. Майор сказал, что нам всем повезло, потому что был это никакой не бой, а так – боестолкновение. По оперативным данным, банда была человек сто, не меньше, из них обстреливало нас не более двух десятков, но если бы «духи» захотели, то легко взяли бы блокпост, не оставив камня на камне. Вероятно, это был отвлекающий маневр. По радиации передали, что самарчанам повезло меньше. У них два двухсотых и четыре трехсотых.

Как только рассвело, мы собрались в дорогу. Удивительно, но ни одна пуля не попала в Белянку – «Газель» Лемы, которую он заботливо спрятал с тыльной стороны блокпоста, за бревнами и мешками с песком. Все время, пока шел обстрел, Лема был рядом с машиной.

Простились с майором и бойцами. Майор извинился за то, что задержал нас до утра. Все, мол, могло закончиться иначе. Напоследок, отведя в сторону, протянул мне две гранаты-«эфки». Протянул суетливо, как заботливый дед отдал бы внуку пирожки.

– На вот, возьми. В дороге всякое может случиться. Шляетесь тут без охраны и оружия. Легкая добыча для шакалов!

Гранаты я не взял.

«Добро пожаловать в Ад!» – вспомнилась надпись при въезде в Чечню. Через минуту блокпост растворился морозной дымкой вместе с майором, который крестил нас автоматом. Как его фамилия, я так и не спросил...

Если у городов существуют лица, то лицо Грозного конца 2002 года – все в язвах, как у человека, переболевшего проказой. Кажется, нет ни одного квадратного сантиметра на стенах, не тронутого пулей или осколком. Город-призрак. Он и есть, и нет. Ни одного целого дома. Сильно разрушенный во время первой и окончательно во вторую чеченскую войны, Грозный напоминает теперь Сталинград из кинохроники Великой Отечественной. Огромные дыры от ракет и снарядов в панельных многоэтажках, одинокие фасадные стены, почему-то оставшиеся стоять после того, как дома рухнули, горы битого кирпича и руины, руины, руины...

Из разных концов города фоном доносятся короткие автоматные очереди, иногда слышны взрывы. В большинстве случаев бойцы федеральных сил стреляют просто так, на всякий случай, по подвалам во время зачисток территории от боевиков. Забрасывают гранатами подозрительные подъезды, прежде чем туда войти. Но где-то все-таки вспыхивают короткие стычки с боевиками.

Мы прибываем на базу, в центральную комендатуру. За охраняемым периметром, как за небольшой крепостью, маленький оазис относительно спокойной жизни. На территории базы комплекс правительственных зданий, военные подразделения и журналистский городок, именуемый телевизионщиками ТВ-юртом. Нас веселым улюлюканьем встречают коллеги – журналисты разных телеканалов и радостным визгом два пса – Вермут и Вискарь. Примерно год назад дворняги стали членами большой журналистской семьи. Подобрал их кто-то еще щенками во время одной из зачисток в руинах. С тех пор они живут на базе. И собаки, и наши коллеги-журналисты чтят традиции ТВ-юрта. Вновь прибывшая группа должна проставиться, а значит, вечером будет пьянка. Кто-то предлагает начать уже сейчас, но я отмахиваюсь, ссылаясь на то, что день в разгаре.

Техники-флайвэйщики, Виталик с Серегой, сообщили, что Москва оборвала спутниковый телефон, разыскивая нас. Уже прошла информация о боестолкновении на блокпосту. С одной стороны, в редакции волновались. Но с другой – они хотят получить от нас сюжет.

* * *

Спутниковая тарелка поймала останкинскую студию в Москве. Электричество на базе вырубилось, и техники запустили дизельный генератор, сквозь звук которого я с трудом разбираю слова ведущей праймового девятнадцатичасового выпуска Елены Соколовой. В глаза бьет свет от ламп, которые Гусь направил мне прямо в лицо, чтобы хоть как-то высветить его в темноте. Я почти не вижу камеру и поэтому смотрю прямо на сумасшедшее белое солнце, которое светит, но не греет.

– ...Свидетелем боестолкновения банды боевиков с блокпостом федеральных сил в Чечне стала съемочная группа нашей телекомпании, – слова ведущей летят из космоса через спутник, с трудом продираясь к моему уху. Успеваю подумать о том, что спутник был бы сейчас абсолютно бесполезен без обыкновенной солянки и примитивного раздолбанного дизельного агрегата. Пытаюсь прижать плотнее крошечный наушник, не видимый зрителям, но слышимость лучше не становится. Кошусь вправо. За столом, под знаменитым ТВ-юртовским навесом, прямо на улице, несмотря на холодный декабрьский вечер, уже собралась толпа единомышленников, объединенных целью напиться водки. Навес, под которым обычно проходят все журналистские пьянки, скрыт от зрителей армейской маскировочной сетью, но мне хорошо видно, как коллеги, не дожидаясь окончания прямого включения, разливают ледяную водку по пластиковым стаканам в каких-то двух метрах от меня. Запах нарезанной колбасы, хлеба и открытых шпротов дурманит мой рассудок и отвлекает от информации, которой я сейчас по долгу службы должен поделиться с Планетой.

– На прямой связи с нашей студией мой коллега, специальный корреспондент... – генератор молотит, захлебываясь соляжкой, ведущую почти не слышно. Главное – не облажаться и вовремя начать говорить. Наш материал идет первым в выпуске как самый важный. Сердце с бешеной скоростью бьется где-то у кадыка. Прямой эфир – каждый раз стресс, сколько бы ты ни работал. Говорят, журналистам за вредность полагается молоко, как и летчикам-испытателям. Снова смотрю на водку. Уже не слышу ни генератора, ни ведущей. Только стук собственного сердца в ушах в ритме пасадобля. Камеры по-прежнему не видно, лишь ядовитые лампы-«пятисотки» слепят глаза до красных зайцев. Мне нужно за кого-то зацепиться, найти кого-то живого, кому я буду рассказывать новость. Под слепящими приборами замечаю Вермута с Вискарем. Склонив головы, псы осуждающе смотрят на меня. Они ожидают своей порции колбасы и водки, к которой успели пристраститься за время общения с телевизионщиками, а я всех задерживаю. Решаю, что Вермут с Вискарем и будут моей аудиторией.

– Пожалуйста, Михаил, вам слово, – будто с другой планеты, все-таки долетают до меня слова ведущей, и я, почему-то сразу успокоившись, начинаю рассказывать собакам. Сначала коротко об увиденном на блокпосту, затем предлагаю посмотреть двухминутный сюжет, смонтированный и перегнанный в Москву также по спутнику перед эфиром. Сюжет идет почти без закадрового текста, на живых лайфах, состоящих из пальбы и криков. По его окончании ведущая задает еще пару вопросов, после чего прощается со мной и переходит к другой теме.

Замолк дизель. Гусь вырубил свет. Вермут с Вискарем дружно залаяли, бросились под навес к своим мискам. ТВ-юрт оживленно загудел басовитым роем мужских голосов. Словно гигантские пчелы, решившие все вместе опылить один цветок, деловито вьются и жужжат над длинным столом корреспонденты, операторы, техники ведущих каналов России. Расставляются стаканы, закуска. Первый тост, как положено, за встречу. Вторым (между первым и вторым – чтобы пуля не пролетела) сразу – тоже за встречу. Все мы знакомы не первый год, многие кочуют вместе по разным войнам, случающимся на Планете. Хоть и работаем на конкурирующих каналах, кажется, даже скучаем друг по другу. Третий тост по традиции – за тех, кого нет. Молча. Стоя. Не чокаясь. На «стене плача» в строительном вагончике, в котором живет наша группа, фотографии коллег-журналистов и военных, с которыми мы успели сдружиться за время командировок. Все они погибли в Чечне. Каждый раз, возвращаясь в Грозный и заходя в вагончик, первым делом смотришь на «стену плача», в надежде, что фотографий там не прибавилось.

– Третий, мужики! – поднимается Вадик, техник одного из телеканалов. Пластиковый стакан в его ручище кажется маленькой мензуркой. Все шумно шаркнули, отодвинули скамейки, торжественно встали. Напряженно глядя в водку, как в кофейную гущу, где гадалки видят судьбу, синхронно выпили, присели. После третьего тоста я почувствовал, как спирт, проникнув в кровь, горячими толчками разносится по телу. Стало теплее, мысли нащупали позитивную волну и стали плавно раскачиваться на ней. Вспомнилось жаркое индийское лето, в котором мы с Гусевым были всего неделю назад. Новые робинзоны, ищущие рай на Земле. Пастельно-розовые закаты, белый песок и метафизические беседы под шум океана о смысле жизни, добре и зле и о том, чего все-таки на нашей планете больше – Ада или Рая? Все это кажется теперь обрывками яркого, цветного сна и совсем не вяжется со «стеной плача» в нашем строительном вагончике и кусающим щеки чеченским декабрьским морозцем. Не таким сильным, как в России, но из-за влажного воздуха подло пробирающим до самых костей.

Со стороны Ханкалы один за другим стали раздаваться глухие выстрелы гаубиц, и через секунду над нашими головами в сторону гор полетели стопятидесятидвухмиллиметровые снаряды.

– «Саушки», – прокомментировал Иван.

– Традиционное ночное выравнивание гор, – подхватил Гусь.

– Теперь на полчаса, не меньше, – сказал какой-то рыжий военный без знаков различия.

Я только сейчас заметил, что за столом оказалось несколько незнакомых мне людей в камуфляже. Наверное, их пригласил кто-то из корреспондентов. Каждый репортер, как может, ищет информацию для своего телеканала. А потому все пытаются обзавестись личными источниками. Военные, с которыми удастся подружиться, не только делятся нужными сведениями, но и часто помогают добраться до мест событий. Сделать это без их помощи в зоне боевых действий непросто и небезопасно.

«Интересно, – подумал я, – а как расслабляются инопланетяне? Что они пьют, нюхают или вкалывают себе, чтобы затуманить сознание и хоть ненадолго уйти от реальности? Может, они слушают какую-то специальную музыку? Или погружают себя в транс усилием мысли, как йоги? А может, также бухают, как мы? Или им там ничего такого не требуется? И мир, в котором они живут, вполне их устраивает?»

– От нашего стола – вашему, – от размышлений меня отвлек голос, показавшийся знакомым. К столу подошли четверо военных, но лиц не видно из-за тени. Тонкая, смуглая рука поставила на стол бутылку дагестанского коньяка. Вслед за рукой из тени вышло хитрое раскосое лицо. Зула! Узнаю разведчика-калмыка. Зула во весь рот улыбается ослепительно белыми зубами. Света от них больше, чем от фонаря над столом. Другого выражения лица у него и не бывает.

– Здорово, братаны! – Зула пробирается к нам, а за ним его друзья-разведчики: Стас, Сашка Погодин (Погода) и их командир Степан, возглавляющий особое подразделение разведки.

– Как узнали, что наши братья-телепузики приехали, решили навестить, – говорит Степан, устраиваясь на скамье. – Калмык изнылся весь, скучал без вас.

Мы встаем навстречу, приобнимаемся с каждым, щека к щеке. Братания у военных на кавказский манер.

– Зула, ты же в отпуске должен быть, дома! – говорю я.

– А я был там, – калмык хитро улыбается. – Целых три дня был, родню повидал и обратно приехал. Скучно там. Все другое стало. Люди злые, как собаки. Деньги все хотят. Не понимаю я там ничего. Скучно. Поеду, думаю, лучше обратно к братьям моим.

– Чурка ты косоглазая! А где ты здесь-то добрых людей увидел? – Стас, снайпер, шутя, дает Зуле подзатыльник. – Ему отпуск дали, а он вернулся. Нет чтобы с девками там целых три недели саямалейкум делать, он в Чечню обратно приперся!

– Девки чужой не хочу, я на твой сестра женюсь, – Зула специально коверкает русский и лукаво улыбается. Это его любимая шутка. – Фото видел – красивый баба! Молодой!

– Баран ты киргизский! Не «красивый», а «красивая»! – Стас накладывает в тарелку Зулы тушенку. – Так и пошла она за тебя, за чурку косоглазую!

– Я не киргиз, я калмык, – Зула совсем не обижается.

– Да какая разница! – машет рукой Стас, и все смеются.

Я знаю Зулу и Стаса уже второй год, почти с самого начала второй войны. И каждый раз при встрече с ними слышу шутку про женитьбу хитрого калмыка на сестре его названного брата. Каждый раз это ничем не заканчивается. Стас – снайпер, а Зула – универсальный солдат, как его называет Степан. Может и с пулеметом, и со снайперской эсвэдэшкой побегать, и за механика-водителя на бэтээре, если надо. Степан, подполковник, наблюдая за своими бойцами, только усмехается. Он отбирает к себе в разведку только самых отчаянных и безбашенных. Тех, кто успел как следует повоевать.

Зула воюет в Чечне с конца 1994-го, еще с первой кампании. Участвовал в двух штурмах Грозного и уцелел. Во время первого, самого кровавого новогоднего штурма города Зула

проходил срочную службу. Ему было восемнадцать. Тогда погибли тысячи необстрелянных пацанов, вчерашних школьников, ровесников Зулы, которых бездарные министры и генералы словно оловянных солдатиков швыряли в огонь. На вторую чеченскую войну он пришел уже по контракту, с куском льда вместо сердца, так и не прижившись на гражданке. Зула всегда улыбается. Кажется, у него не бывает плохого настроения. Но в узких глазах-щелках живет печаль. Я безумно рад видеть Зулу, Стаса, Погоду и Степана...

* * *

Сегодня мы сняли только инженерно-саперную разведку. Ничего интересного. С разминирования дорог в Грозном начинается каждое утро.

Петрович сидит под навесом и ждет нас. Собственно, ждет Петрович водку, но поскольку выдать ее можем только мы, ему приходится ждать нас. Я знаю Петровича второй год. По званию он майор, а вот чем занимается и за что отвечает в комендатуре, понять не могу. Прямо об этом Петрович не говорит. Иногда я его вижу на зачистках руин или в других военных операциях, где задействованы подразделения комендатуры, но чаще на базе. Каждый день, как на работу, Петрович является к нашему вагончику, поскольку знает, что водка у журналистов имеется. Получив пол-литра, делится информацией – где что случилось, где и какая операция будет проходить. Нередко помогает с транспортом – добраться до точек съемок. Выпив, Петрович любит вспоминать о своих военных подвигах. Однажды, изображая, как он расправлялся с боевиками и рвал их на куски, Петрович вошел в раж и, выхватив из кобуры «макаров», несколько раз шарахнул в воздух. Одна из пуль пробила нашу спутниковую тарелку. Корреспондентам, работавшим тогда в Чечне, пришлось докладывать в Москву о случившемся. Петровича, правда, не сдали и списали все на войну – шальная, мол, пуля. Никто не думал, что такая мелочь вызовет реакцию, но в Москве решили: надо рассказать о том, в каких условиях работают наши журналисты! И заставили сделать сюжет. Парням пришлось потом, действительно рискуя жизнью, специально выезжать на боевые операции, где стреляли уже по-настоящему, чтобы сказать: «И вот одна из таких пуль попала в нашу спутниковую тарелку!»

Петрович после того случая, чувствуя вину, не приходил за водкой целую неделю.

– Здорово, Петрович! Ты, как всегда, на боевом посту! – ехидничает Гусь, завидев майора.

Тоскливое лицо Петровича моментально озарилось. Завидев нас, он довольно крикнул, поправляя густые черные усы. Под его расстегнутым бушлатом виднеется неизменная десантная тельняшка с голубыми полосами. Ушанка с кокардой по-дембельски сдвинута на затылок. Еще раз крикнув, майор не без усилия поднял грузное тело и одновременно в приветствии правую руку. Вермут и Вискарь, лежавшие до этого с грустными мордами у ног Петровича, тоже привстали и начали радостно повизгивать.

– Да ты не один, а с собутыльниками! – не унимается Гусь.

– Когда-нибудь, Пашок, я тебе что-нибудь отстрелю, – для виду обижается Петрович.

– Здорово, Петрович, – приветствую майора. – Не успел соскучиться, как мы снова тут! Что нового?

– Да ничего нового. Воюем помаленьку. Пацанов вот троих из второй роты неделю потеряли. Пошли утром на инженерную разведку с саперами. «Духи» фугас взорвали и обстреляли потом. Засада, в общем. Но ты их не знал, по-моему, – Петрович назвал фамилии. Да, я действительно не знал погибших. – Неделю назад один наш бэтээр подорвали, но там без двухсотых обошлось, контузило только всех, двоих осколками зацепило, сейчас в госпитале тащутся.

– Нам бы тему какую-нибудь нормальную, Петрович! Готовится что-нибудь тут у вас интересное? – спрашиваю я.

– Да ничего у нас интересного, – уклончиво отвечает Петрович, – зачистки да разминирования. «Духи» по ночам закладывают мины, а мы утром выковыриваем их. Сам же все знаешь.

Петрович хитер, конечно, и совсем не так прост, как кажется. Ясно, что он только прикидывается простаком-выпивохой. Я уверен, что он связан со спецслужбами и приходит к нам не просто за водкой, а пронюхать, что мы наснимали за день и под каким соусом все это будет выдаваться в эфир. Есть, правда, еще пресс-служба Дома правительства, с которой у нас часто бывают скандалы. Но эти действуют открыто. А Петрович косит под «своего» и делает вид, что, кроме водки, его ничего не интересует. Сливают нам всякую ерунду, которую мы и без него знаем.

Петрович получил заветные пол-литра, а Вермут с Вискарем – колбасу и тушенку. Спаивать собак я запретил, и теперь они жалобно смотрят на Петровича. В принципе могли бы объединиться: у псов есть закуска, у него водка. Петрович собирается расположиться под нашим навесом, но я прошу его не разлагать группу и покинуть территорию, раз у него нет для нас никакой информации. Про себя думаю, что пора перестать тратить на него водку. Что-то и с транспортом в крайнюю командировку он подводил. Видимо, получил распоряжение больше не помогать нашему каналу. Значит, какой-то материал не понравился военным.

Декабрьское кавказское солнце растопило корки льда и подмороженные комья земли. Теперь к берцам прилипает жирная и липкая, как пластилин, чеченская глина. Ее очень трудно счищать с обуви и одежды. Когда нет облаков, то солнце на Кавказе светит и греет даже зимой как-то по-весеннему. Я решаю воспользоваться кратковременным теплом и принять душ. Трогаю бак, наполненный водой, – он слегка нагрелся на солнце. Душевую мы соорудили прямо на улице, между двумя строительными вагончиками. Бак с водой закреплен деревянными распорками выше человеческого роста. От него идет железная трубка с краном и лейкой на конце. Женщин на базе практически нет, но на всякий случай «душевая» закрывается полупрозрачной полиэтиленовой пленкой. Долго настраиваю себя, прежде чем раздеться. Наконец складываю снятую одежду на скамейку и, дрожа от холода, становлюсь на деревянную обледенелую решетку босыми ногами. Снимаю с шеи цепочку с металлической пластиной, на которой выгравированы мое имя, группа крови и название телекомпании. Вешаю медальон на гвоздь и с диким воплем открываю кран. Как ни странно, вода теплее, чем я думал, и в первые секунды кажется, что все не так страшно. Но легкий ветерок, проникающий со всех сторон, холодом обжигает тело. На улице плюс пять, не больше. Лихорадочно намыливаю шампунем голову, яростно тру тело, пытаюсь хоть чуть-чуть согреться. Бормочу себе под нос песню, которую отец в детстве часто напевал мне вместо колыбельной. Иногда ее слова почему-то сами собой вспоминаются в экстремальных ситуациях: «Налили негру стакан вина, он залпом выпил его до дна...» Уже почти не чувствуя конечностей, пытаюсь смыть мыльную пену тонкой струей воды, которая едва сочится из бака над головой. «Шляпу надвинув, он зал покинул, и поглотила его ночная мгла...» – отбивая зубами чечетку, допеваю куплет. Неожиданно на словах «ночная мгла» полиэтилен отдернулся, и сквозь мыльную пену, начинающую щипать глаза, я увидел силуэт девушки. В тот же миг пленку шумно задернули. «Извините!» – донеслось до меня под дружный гогот Гуся, Ивана и наших техников – Виталика и Сереги. Холод сразу прошел. Меня будто обдали кипятком! Какая-то девушка заглядывает в душевую, когда я, весь в мыле, голый, выбиваю зубами барабанную дробь и напеваю песню про негра! Более дурацкую ситуацию трудно вообразить. Конечно, это проделки Гуся. По-другому и быть не может. Наспех вытершись полотенцем и напялив одежду, выхожу из душевой. Гусев и компания, довольные представлением, радостно скалятся.

– Гусь, иди-ка сюда, – бросаю на ходу и ныряю в вагончик. – Что за хрень? – набрасываюсь на оператора, как только он входит.

– Она подошла, спрашивает: «Можно в Москву позвонить?» – Гусь еле сдерживает хохот и постоянно прыскает. – Мы сказали, это вообще-то запрещено. И разрешить может только старший. Она спросила – а где ваш старший? Мы сказали – там и показали. Мы даже не успели остановить ее! Ей же и в голову не могло прийти, что кто-то может мыться на улице зимой. – Гусь не выдерживает и снова начинает ржать.

– Придурки, блин! – я наливаю в стакан немного водки и выпиваю залпом, чтобы согреться. – Кто она такая?

– Я не знаю, раньше не видел никогда на базе, – Гусь стал понемногу успокаиваться. – Как она засмузилась! Покраснела вся! Убежать прямо хотела, но мы ее задержали. Сейчас у флайвэйщиков в вагончике сидит.

– Зачем?

– Тебя ждет. Я же сказал, ей очень надо позвонить в Москву.

– Ладно, я сейчас подойду.

Кое-как пригладив волосы, захожу в технический вагончик, где располагается аппаратура. Здесь же база спутникового телефона – единственная связь с *другим* миром. С миром, в котором нет войны и до которого всего-то два часа лету. На стуле, перед монтажной «парой», скромно опустив глаза в пол, сидит девушка лет восемнадцати. Подняв глаза на меня, она тут же снова опустила их в пол, вспыхнула и тихо сказала: «Здравствуйте». Даже при тусклом свете видно, как щеки ее зажглись румянцем.

– Здравствуйте, – ответил я. – Мне казалось, что девушки уже давно разучились краснеть.

– Чеченские девушки не разучились, – едва заметно улыбнувшись, ответила она.

– А вы чеченка?

– Наполовину. У меня мама русская, а отец чеченец.

– Меня зовут Михаил, – представился я.

– Ольга, – ответила девушка и снова покраснела.

– Вы хотели позвонить в Москву?

– Да, если можно. Буквально на минутку. Мне сказали, что к вам военные часто ходят звонить, вы им разрешаете.

– Иногда разрешаем, но далеко не всем военным, а только тем... кого давно знаем, – у меня едва не слетело с языка «только тем, кто нам бывает полезен». – Хорошо, Оля, звоните, только недолго. Москва нас сильно ругает за перерасход спутниковой связи.

– Спасибо, – Ольга достала из кармана короткой синей куртки с меховым капюшоном маленькую потертую записную книжку, открыла на нужной странице. Я попросил техника помочь девушке набрать номер. Пока Сергей набирает сложную комбинацию спутниковых шифров и кодов, я изучаю Ольгу, прижавшую длинную кривую трубку к уху и слушающую гудки. Она оказалась не просто симпатичной девушкой. Она очень красива. Видимо, это тот случай, когда смесь восточной и славянской кровей дарит восхитительные черты лица. Она совсем не похожа на чеченку. Но и на русскую в полной мере тоже. Скорее, я бы сказал, что в ее чертах есть что-то итальянское. Девушки похожего типажа встречались мне на севере Италии. Правильные черты лица, чуть выдающиеся скулы, абсолютно прямой, аккуратный нос, высокий прямой лоб и огромные глаза цвета темного янтаря. Кожа при этом совсем не смуглая. На голове нет традиционного для чеченки платка. Темные, с шоколадным отливом волосы убраны перламутровой, под слоновую кость, заколкой, открывая красивую шею и трогательные, идеальной формы уши. Точнее, сейчас мне видно только одно ухо – левое, к правому прижата трубка спутникового телефона. Отдельные пряди волос, случайно выбившиеся из прически, придают лицу Ольги какую-то особенную нежность.

Слышны длинные, долгие гудки. Наконец девушка отнимает трубку от правого уха. Теперь я могу рассмотреть и его.

– Не отвечает, – грустно сказала Ольга, возвращая Сергею телефон. Да, уши у нее особенно красивы. Никогда не думал, что уши могут быть так сексуальны. Две идеальной формы морские раковины с очень аккуратными, изящными завитками в центре. Нежные, почти детские мочки с едва заметными дырками от сережек, но самих серег нет. Я завороченно уставился на ушные раковины, изучая совершенство их спиралей, будто в этих линиях скрыты вся тайна мироздания и смысл человеческого существования.

– Я пойду, – снова немного краснея, сказала девушка, чувствуя мой взгляд, и, неожиданно подняв длинные ресницы, посмотрела прямо. Без вызова, скорее, с любопытством и какой-то легкой дерзостью в огромных карих глазах. Теперь пришел мой черед смущаться. Уловив это, девушка улыбнулась кончиками губ, в глазах пробежали веселые искорки. В этом раунде она победила.

Мы вместе вышли из вагончика, я подал Ольге руку, помогая спуститься по крутым железным ступеням. Подобрав одной рукой полы длинной шерстяной юбки, под которой угадываются стройные ноги и изящные, упругие бедра, она протянула узкую, прохладную ладонь с длинными пальцами, на которых я с удивлением отметил хороший маникюр с бледно-розовым, не бросающимся в глаза лаком. Я вызвался проводить девушку до ворот базы, она согласилась, и мы пошли в сторону КПП. Ольга уже не смущается, смотрит на меня прямо и спокойно, даже с какой-то легкой иронией. Возможно, она вспомнила, как застала меня в душевой. Или поняла, что понравилась мне, и теперь это ее забавляет. А я, старательно изображая равнодушные, словно беря интервью, задаю вопросы о ней и ее семье, исподтишка продолжая разглядывать девушку и недоумевая про себя, как такая юная, хрупкая красавица могла оказаться в этой космической черной дыре, где правят силы зла. Где нет ничего, кроме крови, грязи, страха и смерти. Мне очень любопытно, кому Ольга звонила в Москву, но спросить не решаюсь.

– Родилась я в Москве, а в Грозный мы переехали с родителями, когда мне было семь лет. Мой отец из Грозного, я уже говорила, что он чеченец, – начала Ольга свой рассказ.

– С отцом все в порядке? – осторожно спрашиваю я.

Ольга улыбнулась:

– Да, он жив, здоров, с боевиками не связан и снова живет в Москве. Он вернулся туда задолго до войны. Они с мамой развелись, когда мне исполнилось десять. Мама музыкант по образованию, окончила консерваторию. Коренная москвичка.

– Вы, выходит, тоже?

– Что тоже?

– Коренная москвичка?

– Да, москвичка. Только большую часть жизни прожила здесь, в Грозном. Теперь даже не знаю, чего во мне больше: русского или чеченского? Я ведь очень маленькая была, когда мы уехали.

– А почему вы с мамой не вернулись в Москву?

– Так получилось. Машины родители, мои бабушка с дедом, не очень хорошо приняли отца. Они всю жизнь сдували с мамы пылинки и считали, что ее избранник должен быть особенным. Отец в то время был простым инженером-строителем. Я – плод любви горячего чеченского парня и русской красавицы из интеллигентной московской семьи, которой родители запрещали прикасаться к грязной посуде и поручням в метро. Кстати, мне к поручням тоже запрещали прикасаться. Бабушка – известный в Москве хирург, была уверена, что я непременно подхвачу какую-нибудь заразу. Дед ее в этом поддерживал. Видели бы они все это! – Ольга кивнула в сторону виднеющихся за воротами базы руин. Потом она замолчала, и мы какое-то время шли молча мимо избитого пулями и осколками бетонного забора. Я тоже молчал, и через какое-то время Ольга продолжила сама:

– Дед был профессором филологии. На нашей даче в Быкове собирались известные актеры, музыканты, писатели. Я хорошо помню эти встречи. Было очень шумно, весело, посто-

янно играла музыка. А меня каждый раз непременно ставили на стул, и я под мамин аккомпанемент пела «Подмосковные вечера» или «Выйду ль я на реченьку». Все очень умилялись и наперебой говорили, что я, как и мама, буду певицей. Всю жизнь бабушка с дедом видели в качестве маминого мужа сказочного принца. Выпускника МГИМО, например, а не «джигита», как они всегда называли отца. В принципе они неплохо относились к отцу как к человеку, но постоянно давали понять, что он из какой-то другой сказки, что ли.

Впереди показался КПП, и мы с Ольгой, не сговариваясь, сбавили шаг.

Я молча слушал, и она продолжила:

– Маме все предрекали блестящее будущее. После консерватории ее звали в оперу, но она всегда хотела петь на эстраде. Она и сейчас прекрасно поет, а тогда... Ее звал на гастроли с собой сам Давыдов! Предлагал создать дуэт.

– Давыдов? – я не удержался. – Врешь! – неожиданно для себя перешел я на «ты».

– Нет, не вру. Тогда она была потрясающе красива. Даже сейчас, спустя годы, и после всего, что ей пришлось здесь пережить, она все еще очень красива. А тогда толпы мужчин-поклонников, перспектива сольных концертов, ее даже на телевидение звали ведущей. Говорили, вы, главное, приходите, а какую передачу будете вести – придумаем. Отец очень ревновал. Просто места себе не находил. А потом поставил вопрос ребром – или я, или сцена. А тут еще ему предложили место заместителя генерального директора в крупной строительной компании в Грозном. Для молодого, амбициозного парня это была хорошая карьера. В принципе я понимаю его. Он хотел быть главным в семье, не оглядываться на родителей жены. Для мужчины это важно, а для кавказского мужчины – важно особенно.

Мы вышли за ворота базы и медленно идем по направлению к небольшому рынку, расположенному на площади перед комендатурой. На рынке чеченки торгуют всем, что может заинтересовать военных: тушенка, макароны, сигареты, пиво, можно купить даже обмундирование. Я хочу дослушать рассказ Ольги. Совсем не хочется ее отпускать. Кажется, я давно ее знаю. Так бывает: видишь человека, и кажется тебе он своим. Как будто видел ты уже когда-то это лицо, глаза, слышал этот голос и чувствовал запах. Ученые называют это химией. Я подумал о том, что, возможно, Ольга – землянка женского пола, подходящая мне по химическим и биологическим признакам.

– Что было потом? – я не заметил, как мы миновали рынок на площади и подошли к шлагбауму, за которым начинаются руины. Млеющие на пригревающем солнце контрактники, облокотившись на мешки с песком, с любопытством разглядывают Ольгу.

– А потом мы переехали в Грозный. Тогда это был очень красивый, цветущий город. Маленький Париж, так здесь говорили.

– Да, я слышал.

– Бабушка и дедушка остались в Москве. Они поругались с мамой и почти не общались. Отец стал работать заместителем гендиректора в строительной компании, а мама сначала сидела дома, как и подобает жене чеченца. Это ей не нравилось. Со временем начались скандалы. Отец разрешил ей устроиться в школу обыкновенным преподавателем музыки, но этого ей было недостаточно, конечно. Бабушка с дедом умерли. Мама продала их московскую квартиру, но началась перестройка, и деньги прогорели. В итоге родители все-таки развелись. Отец оставил нам квартиру, а сам ушел на съемную. Потом наступили девяностые, и компания, в которой он работал, закрылась. В Чечне стало совсем плохо с работой, многие стали уезжать. Друзья отца предложили ему в Москве начать небольшой строительный бизнес. Он снова отправился в Москву, а мы остались в Грозном. А потом началась война. Отец всегда нам помогал. У него давно другая семья, но он несколько раз приезжал, чтобы увезти нас, а мама каждый раз наотрез отказывалась. Никак не могла простить ему загубленной карьеры и, как она говорит, жизни. Да и возвращаться в Москву уже не к кому. Ни родных, ни друзей,

ни квартиры. Здесь сначала были хорошие соседи, друзья, но и их не осталось. Кто погиб, кто уехал. А потом как-то и отношение к русским семьям изменилось, мягко говоря.

Мне известно про тот период. Тогда нечеченские семьи вытеснялись, вплоть до убийств. И не только русские. Многие стали уезжать, пытаясь продать квартиры, но их никто не покупал. На стенах домов часто можно было встретить надпись: «Не спешите покупать квартиры у Вани и Маши, они все равно будут наши». Русских выгоняли с работы, убивали, насиловали, выбрасывали из окон собственных квартир, вешали во дворах, отбирали имущество, угоняли в рабство. В почтовых ящиках русские находили «письма счастья»: «Русские, не уезжайте! Нам нужны рабы и проститутки!» Все это мне неоднократно рассказывали бежавшие из этих мест люди, с которыми встречался во время съемок репортажей. Непонятно, как Ольга с матерью выжили в этом кошмаре. Словно прочитав мои мысли, Ольга сказала:

– Нас не тронули, потому что отец чеченец и семья русская только наполовину. Но не всем так повезло.

– Ты сегодня отцу в Москву звонила? – наконец, не удержавшись, спросил я.

– Да. Думаю, теперь уже мама готова уехать. Хочу попросить его помочь.

– Где же вы живете сейчас?

– Там же, где и жили до войны. В Октябрьском районе, на Фонтанной улице.

– В руинах?! – вырвалось у меня.

– Да, от дома мало что осталось, – Ольга горько усмехнулась, – мама работает здесь, в Центральной комендатуре, секретарем в Доме правительства. Я иногда помогаю ей перебирать бумаги. А в свободное время подрабатываю переводчиком и заодно проводником для западных журналистов.

– Так ты переводчик?

– Вообще-то я немного художник и хотела стать дизайнером интерьеров. Но не сложилось, как видишь, – она снова повела головой в сторону руин, – при таком экстерьере интерьер невозможен. А английский выучила просто так, чтобы занять себя чем-то и не думать о войне. Мне иностранные языки всегда легко давались. Еще на итальянском говорю. Только итальянцев я здесь что-то не видела.

– И чеченский знаешь?

– Конечно, знаю. Я же выросла здесь.

– А с нами можешь поработать? Проводником, если понадобится?

– Могу, конечно, если платить будете, – Ольга строго посмотрела на меня. – Западные телеканалы хорошо платят.

– Будем, конечно, нам выделяют для этого деньги. Только...

– Что только? – Ольга уловила недоверие в моем взгляде.

– Прости за прямоту, сколько тебе лет?

– Я не стану кокетничать, – она улыбнулась. – Мне двадцать четыре.

– Честное слово, я бы не дал больше восемнадцати.

– Да ладно, это в маму. Она очень моложавая. Такая конституция. А у нее от бабушки. А бабушка всегда молодо выглядела в свою маму и так далее, – Ольга засмеялась. – Меня и сейчас иногда за школьницу принимают. Ну, мне пора, – Ольга в который раз посмотрела на руины и вздохнула. Видно, что ей совсем не хочется туда возвращаться. Находясь на базе, она ненадолго забывает о кошмаре, в котором живет уже много лет.

– Как же ты добираться до дома? – спросил я и вдруг заметил стоявшую неподалеку грязную «шестерку» с тонированными стеклами. На капот машины облокотился совсем юный чернявый парень с бледным, болезненным лицом. С хмурым интересом он наблюдает за нами.

– Это Рустам, – сказала Ольга, перехватив мой взгляд. – Он живет в нашем подъезде и иногда по-соседски подвозит нас с мамой.

Парень явно нервничает, и взгляд его на Ольгу не показался мне соседским. Я вдруг поймал себя на том, что очень не хочу отпускать ее в эти страшные, черные руины, где нет ни воды, ни тепла, ни света, ничего, кроме страха и неизвестности, с этим недобро глядящим на меня чеченцем.

– Ты заходи в любое время, если нужно будет позвонить, – предложил я ей. – Если меня не будет, техники в курсе. Они тебя уже видели. А о гонорарах проводника договоримся!

– Хорошо, – улыбнулась Ольга и зашагала в сторону машины.

* * *

Ночью «саушки» снова принялись ровнять горы. Строительный вагончик, в котором спим мы с Гусем и Иваном, вздрагивает от каждого выстрела гаубиц и будто поеживается, когда над ним со стороны Ханкалы с протяжным свистом пролетают тяжелые, начиненные смертью металлические болванки. За окном повалил снег, и Вермут с Вискарем жалобно подвывают у крыльца в тон пролетающим снарядам. Пришлось открыть дверь и впустить собак в вагончик. Темными мохнатыми клубками ворвались они в сени и уселись на специально отведенные для таких случаев места. Высунув языки, горячо и часто задышали, благодарно сверкая в темноте глазами. Где-то далеко в горах слышны глухие, ухающие, словно из-под земли, разрывы и доносится едва различимый стрекот вертолета. Это он наводит артиллерию на цели, зависнув над горами, с помощью тепловизора выискивая теплокровных существ. На экране тепловизора тела животных и людей загораются красным. Большое скопление двуногих красных существ ночью означает банду боевиков. Туда и летят снаряды.

– Ну наконец-то, спят усталые игрушки! – бормочет Гусь. – Я уже без этой музыки и не засыпаю, она для меня вместо «Спокойной ночи». Дружок, а хочешь, я расскажу тебе сказку? – обращается он к Севрюгину и пинает его кровать. В ответ из-под одеяла раздается сонный мат техника.

– Ну, как хочешь, – говорит Гусь и мгновенно засыпает.

Я думаю об Ольге. Вспоминаю изящные ушные морские раковины. Спелые черешни карих глаз, локоны каштановых волос, изгиб тонкой шеи. Раковины. Ушные. Морские. Ну конечно, морские! Ведь и кровь человека по составу близка к морской воде. Создатель всего, что есть на этой Планете и во Вселенной, един. Во всем живом есть одни и те же химические элементы, повторяемость линий. В нас природа – и мы в природе.

Думаю о том, что сейчас делает Ольга в своем полуразрушенном войной доме, где нет ни тепла, ни воды, ни нормальной еды. Куда в любое время могут вломиться какие-то подонки и сделать с ней и матерью все что угодно. Захотелось хоть как-то помочь Ольге, но я не знаю как.

В прежних военных командировках я никогда не думал о мирных жителях. То есть искренне сопереживал им, делая материалы про жизнь обычных людей на войне, но никогда не пропускал через себя их боль и проблемы. Старался не знакомиться без необходимости и интересовался дальнейшей судьбой только в случае, если из этого мог получиться репортаж. Будешь слишком эмоционально сочувствовать одним – не сможешь рассказывать о других. Журналист должен быть беспристрастен и иметь холодную голову. Он простой рассказчик, который обязан максимально объективно описать ситуацию. Я давно понял – если позволю себе слишком проникнуться чьим-то горем, не смогу писать. Так же, как врач не сможет оперировать. Здоровый цинизм и юмор – буфер, который всегда меня выручал. Встретив Ольгу, я незаметно для себя нарушил одну из важнейших заповедей репортера-стервятника. Я думаю об Ольге. Странно, но мысль о том, что они с матерью ночуют в руинах, мешает мне заснуть.

Чтобы отвлечься, пытаюсь представить, как выглядит их жилище сейчас и как выглядела комната Ольги до войны. Плюшевые игрушки, всякие девчачьи штучки и, конечно, пианино.

Пианино обязательно должно быть... Ушные раковины. Идеальные спирали. Вселенная. Раковины. Морские...

* * *

Ольга появилась на базе через два дня. Все это время, выезжая на съемки в город или возвращаясь с них, я с надеждой смотрел в сторону КПП – не мелькнет ли синий, отороченный мехом, капюшон?

Я перегоняю в Москву материалы об уничтожении федералами подпольных нефтеперерабатывающих мини-заводов и о бунте контрактников в одной из военных комендатур Грозного. Солдаты сложили оружие и отказались воевать, потому что финансисты не выплачивают им положенных «боевых» денег, требуя «откаты». Руководству этот материал нравится особенно. Это бомба, и когда она рванет в эфире, непременно будет грандиозный скандал, а это принесет каналу дополнительные рейтинги.

Дверь за моей спиной приоткрылась, пропуская снаружи лучи света, забелившие мониторы. В белом прямоугольнике стоит Ольга. Она приветливо улыбается и слегка краснеет, как и в первый день нашего знакомства.

– Я стучала, – говорит она, смущаясь.

Снимаю наушники и, стараясь не выдать неожиданную радость, машу ей рукой – заходи, мол! Сегодня на ней вместо синей куртки короткое черное пальто. Волосы гладко убраны назад и собраны на затылке черной заколкой, полностью открывая замечательные ушные раковины и подчеркивая изящный изгиб шеи. Как и в прошлый раз, на лице почти нет косметики – лишь легкая пудра на персиковой коже, длинные ресницы чуть тронуты тушью и почти бесцветная помада на полных чувственных губах. Ей снова надо позвонить в Москву. Набираю на спутниковом телефоне шифры и мобильный номер ее отца, который Ольга диктует по записной книжке, кожаная обложка которой в некоторых местах протерлась насквозь.

– Это дедушкина, – заметив мой взгляд, говорит Ольга.

– Алло, – после нескольких длинных гудков раздался мужской голос, который показался мне молодым. Передаю трубку Ольге и выхожу из вагончика, чтобы она могла спокойно поговорить с отцом.

Ольга выходит через несколько минут. Как и в прошлый раз, помогаю спуститься ей по железным обледелым ступенькам, держа за тонкую, прохладную ладонь. Ольга выглядит взволнованной. Спрашиваю, все ли в порядке.

– Да, просто мы так редко с отцом созваниваемся, последний раз это было полгода назад. Мне немецкие журналисты давали позвонить, – слезы затопили янтарь ее глаз, и от этого они кажутся еще крупнее, словно под увеличительными линзами.

– Папа сказал, что постарается помочь нам с мамой как можно скорее выехать отсюда. Он обрадовался, что мама наконец согласилась. На первое время обещал снять квартиру в Москве, а там видно будет, – она улыбнулась, и два ручейка горными потоками брызнули из глаз по щекам, увлекая за собой едва заметные крупинки пудры. Ольга смахнула ручейки и виновато улыбнулась:

– У отца давно уже другая семья. А тут мы еще. Впрочем, это я уже говорила...

Мы сидим с ней в столовой Дома правительства – единственном месте на базе, где можно поесть. Как альтернатива есть еще чеченская шашлычная на площади перед КПП, но я не люблю ее за тесноту, накуренность, липкие столы и пластиковую посуду.

Ольга отказалась от еды, как я ни уговаривал, согласившись только на стакан яблочного сока и шоколадку. Мы рассказываем по очереди каждый о себе. Она мне – про музыкальную школу, своих подруг, которые давно покинули Чечню и с которыми утеряна связь, про довоенный Грозный. Я – о родном Нижнем Новгороде, Москве и всякой ерунде, о которой гово-

рят с человеком, когда с ним просто хочется говорить. В какой-то момент Ольга посмотрела в сторону, заулыбалась, замахала руками. Обернувшись, я увидел достаточно привлекательную женщину средних лет. Улыбаясь, она идет к нашему столику.

– Это моя мама, – шепнула Ольга. – Она здесь работает, я говорила.

– Здравствуйте, я Ольга Ивановна, Олина мама, – представилась женщина, целуя дочь в щеку и протягивая мне руку.

– Да, мы две Ольги! – засмеялась Оля.

– Здравствуйте, – отвечая на рукопожатие, я слегка привстал и неуклюже показал на стул, предлагая присесть.

– Я ненадолго, – сказала женщина, присаживаясь.

Судя по Ольгиным рассказам, ее матери должно быть за пятьдесят, но на вид я не дал бы ей больше сорока пяти. Ясно, что в молодости эта женщина была очень красива и пользовалась вниманием мужчин. Видимо, муж-чеченец ревновал не зря, опасаясь соперников. Неглубокие морщины уже тронули ее лицо в уголках рта и век, но сами глаза, большие, как и у дочери, только не карие, а зеленые, смотрят на мир с живым интересом. Правда, иногда они внезапно замирают и тускнеют изумрудами, от которых убрали луч света, когда она вспоминает что-то неприятное. Но через мгновение Ольга Ивановна находит новый повод для веселья:

– Ольгуш, ты пригласи ребят к нам в гости, пусть снимут, как выживает в руинах недобитая русская интеллигенция, – и тут же изумруды в глазах гаснут, подергиваясь болотинкой, – а вы знаете, какой красивый был город!

На ней строгий, немного старомодный, видимо, из начала девяностых, довоенный еще костюм: узкая, длинная темно-серая юбка, подчеркивающая стройную фигуру, и такого же цвета приталенный пиджак с большими накладными карманами. Белая блузка под пиджаком с небольшим кружевным воротником. Наверное, этот костюм Ольга Ивановна надевала, когда еще преподавала в школе музыку. Косметикой, как и дочь, она почти не пользуется. Скорее всего, чтобы не раздражать радикально настроенных мусульман. В ее взгляде, повороте головы, осанке что-то гордое и величественное, как будто она до сих пор на сцене: встанет сейчас и пойдет выступать дуэтом с Давыдовым, а не перепечатывать бесконечные приказы и распоряжения, да мыть полы, когда все уйдут, надев поверх серого костюма синий халат.

Ольга Ивановна просидела с нами целый час, а когда спохватилась, стало смеркаться. Им с дочерью надо возвращаться в руины, чтобы успеть до комендантского часа. Я проводил их до ворот базы, где на белой «шестерке» поджидал все тот же мрачный, настороженный Рустам. Рынок перед комендатурой стремительно пустеет, торговки торопятся по домам. С разных концов города доносятся автоматные очереди, иногда глухие разрывы гранат. Привычная какофония заменила обычный городской шум. Мне стало стыдно, что эти две женщины едут на ночь глядя в грозненские руины, куда даже федералы суются только днем. А я остаюсь на базе, где есть хотя бы иллюзия защищенности. Ольга Ивановна сразу как-то сторбилась и теперь выглядит на свои пятьдесят с хвостиком. Уже без особых церемоний прощается и как-то суетливо усаживается в машину.

– Скажи хотя бы адрес, – попросил я у Ольги.

– Ты не найдешь, – грустно говорит она, – теперь здесь ни улиц, ни домов. Одни битые кирпичи. Я покажу в следующий раз на карте, – и захлопнула дверь с черными стеклами, за которыми уже ничего нельзя разглядеть. Ни изящного изгиба шеи, ни прекрасных морских ушных раковин. Молчаливый Рустам, мрачный кормчий, повез на своей «шлюпке» их с матерью – живых в мертвый город, в царство Аида, в само чрево Ада.

* * *

Ближе к ночи пришел Степан. Подполковник всегда вежливо стучит, прежде чем зайти, что не характерно для ТВ-юрта. Следом за ним теньями скользнули в вагончик Стас и Зула. Невысокого роста, крепко сбитый, всегда трезвый и подтянутый Степан не похож на большинство военных в Чечне. Он интересуется историей вообще и военной историей в частности. Изучает биографии великих полководцев всех времен. Не скрывает восхищения наиболее талантливыми и решительными как советскими, так и немецкими военачальниками времен Второй мировой. Степан считает себя патриотом, но его боевой позывной – Карл – в честь нацистского адмирала-подводника Карла Дёница. Степану нравятся военная дерзость и непотопляемость во всех смыслах, которые были свойственны Дёницу. Боевики боятся Карла, а потому ведут на него охоту. А он – на них. Неофициально группу Карла и военные, и боевики называют «Ночными призраками». «Хороший индеец – мертвый индеец», – говорит подполковник о боевиках словами белокожих завоевателей Америки, и глаза его колют синим льдом.

От водки разведчики отказались, сославшись на ночную работу. У нас в гостях они всегда почему-то держатся чуть стеснительно. Едят немного и с достоинством, неторопливо отхлебывая терпкий горячий чай из керамических кружек. Ни за что не скажешь, что убивать для них – обычное дело.

Зула со Стасом в «гражданке» вообще сошли бы за студентов. Вот Зула. Очень легкий человек. У него никогда не бывает проблем. Всегда рот до ушей. Зубы – белоснежный фарфор. Откусывает крошечный кусок печенья, на мгновение хмурится, но только для того, чтобы подуть на чай так, что его и без того узкие калмыцкие глаза-щелки закрываются полностью. Делает осторожный глоток и снова расплывается в улыбке. «Человека убивать только сначала трудно, потом привыкаешь», – как-то делился Зула. «Через нож вообще не нравится мне, – говорил он, скаля белоснежные клыки и щурясь. – Кровища, грязь... Лучше просто: шлепнул из автомата – и все».

В 1996-м Зулу и таких же, как он, пацанов-срочников, предала страна. Тысячи мальчишеских жизней признали напрасными жертвами. Войска из Чечни стали выводить. Покидать Ичкерия, по словам Зулы, было приказано без оружия, оставляя его чеченцам. Многие попадали в засады, где с безоружными солдатами и офицерами жестоко расправлялись боевики.

Зула с друзьями припрятали трофейные автоматы, завалив их ветошью на дне «Урала». Их машину «вели» две тонированные «Нивы», набитые вооруженными до зубов бородачами. Но когда «Урал» завернул за крайний дом перед выездом из села и на несколько секунд стал невидим боевикам, бойцы, взяв оружие, высыпали из машины, разбежались и залегли. Как только показались «Нивы» с чеченцами, Зула с товарищами открыли огонь, расстреляв всех, кто был в машинах. С тех пор Зула твердо усвоил, что бить и стрелять надо всегда первым. Если не съешь ты – сожрут тебя. В этом заключен простой закон выживания всех живых существ на планете Земля.

То ли вкус крови оказался так сладок, то ли душу свою Зула потерял в Чечне тогда, в восемнадцать, и найти никак не может. Но на вторую войну он пришел уже сам, по контракту.

А вообще Зула очень добрый и надежный. За друга жизнь отдаст и последнюю рубашку снимет. И скромный. Ордена и медали свои никогда не надевает, даже в отпуске. И подвигами боевыми не хвастает. Но есть у Зулы одна страсть. Кто-то собирает марки, кто-то значки или редкие монеты. Зула коллекционирует человеческие уши. Насобирав уже несколько ожерелий. Уши он отрезает у мертвых врагов, а затем по каким-то специальным рецептам вымачивает, высушивает и нанизывает на леску, как воблу. Как-то раз он пришел к нам, как всегда, белоснежно улыбаясь, увешанный своими трофеями. На самом деле не Зула это придумал. Кто первым из землян собрал коллекцию вражеских ушей и срезал первый скальп – неизвестно.

Может, индейцы, а может, еще первобытные люди. Но потом так делали на многих войнах. Вот и Зула теперь делает. Он говорит, что начал собирать уши боевиков после того, как увидел труп своего друга, ранее захваченного в плен чеченцами, с отрезанными ушами и половыми органами. Тогда Зула поклялся собрать сто ушей с пятидесяти «уродов», как он называет боевиков. Гениталии Зула отрезать брезгует. «Духи» еще не то делают, – говорит Зула, – головы нашим отрезают живьем, к крестам прибивают, скальпы снимают. Так что моя коллекция – так, ерунда. Немного еще осталось», – он скалится, обнажая белоснежные клыки, и трясет связками высохших, неестественно маленьких, но сохранивших форму человеческих ушей.

– Сегодня ночью в разведку идем в город, – Степан-Карл смотрит на меня исподлобья колючими синими точками. – Можете с нами, если хотите. Сделаете репортаж.

Мы с Гусевым и Севрюгиным переглянулись. Выхать на боевое задание с разведчиками, с одним из самым секретных подразделений, «Ночными призраками»! Конечно, я хочу. О таком эксклюзиве можно только мечтать. Но и риск высок. Хотя на дворе конец 2002-го и широкомасштабных боевых действий в Чечне не ведется, как, например, в 2000-м или даже в 2001-м. Сейчас война больше партизанская. Но ночью Грозный контролируется федеральными войсками формально. Боевики активно перемещаются малыми группами, нападают на блокпосты, караулы, минируют дороги, обстреливают комендатуры. Постоянно гуляют слухи о том, что вот-вот боевики попытаются штурмом вернуть себе Грозный. К слову, в 1996-м боевиками были атакованы Грозный, Гудермес и Аргун. Тогда федеральные войска вели тяжелые бои в Грозном, потеряв контроль над большей частью города. После этого были заключены известные Хасавюртовские соглашения, положившие конец первой чеченской войне.

Я соглашаюсь на предложение Степана. Упускать такой эксклюзив нельзя.

– Одно условие, – Степан продолжает сканировать своими глазами мои. – Если тебя завалят, я тело твое на базу не повезу, а прикопаю где-нибудь на помойке. Мишань, без обид. Говорю сразу и честно. То же самое касается и вас, – кивнул Степан Гусеву с Севрюгиным. – Сами понимаете, официально брать я вас не могу и проблемы мне не нужны. Если все пройдет удачно и те, кому надо (Степан поднял глаза в потолок и постучал себя по погонам, имея в виду спецслужбы), после репортажа поймут, что вы лазали с нами, у меня проблем не будет. Но случись с вами что-то, меня заматают.

Я сказал Пашке, что могу пойти один с маленькой камерой «Сонькой» и сам управлюсь, но Гусь обиженно промычал, что сниму я без него «непременно говно». Ивана решили оставить на базе, чтобы не рисковать зря еще одним человеком, хоть он и сопротивлялся.

Быть закопанным на помойке не хочет никто. Но вариантов нет. Соглашаюсь на это условие, мысленно отдав должное честности Степана. Гусь кивнул, также завещая разведчикам распоряжаться своим телом.

...Два бэтэра, «Боревар» и «Кондор», без опознавательных знаков и с выключенными фарами пыхтят соляркой во внутреннем дворе комендатуры, перед воротами, которые бойцы прозвали «Вратами в Ад». «Врата» выкрашены синей, местами облупившейся краской. Снаружи к ним приделаны красные пятиконечные звезды – давно дырявые от пуль. Сразу за вратами – черные руины, откуда уже привычным фоном доносятся выстрелы – одиночные и очередями, да редкие глухие разрывы. На все это никто не обращает внимания. Только опытные бойцы способны отличить по звуку – идет где-то перестрелка, бой или какой-нибудь пьяный контрактник от нечего делать либо от страха лупит из пулемета по руинам.

Степан построил разведчиков у раскидистого каштана, под которым летом хорошо укрываться от палящего чеченского солнца. Сейчас каштан выглядит черным скелетом, цепляющимся костлявыми лапами за морозный воздух.

– Идем двумя группами, – шепотом инструктирует Степан бойцов, – задача: выдвинуться в город в район возможного обстрела блокпостов и при обнаружении противника уничтожить его.

Ночью блокпостам достается от боевиков. Чечены выходят из руин, обстреливают посты, нередко пытаются их захватить. Почти каждую ночь Степан отправляется со своими разведчиками на охоту. Молва о том, что в Грозном действует особая группа спецназа, рыскающая, подобно волкам, по ночам и уничтожающая боевиков, давно разошлась по городу среди мирных и военных. Я не знаю, где базируется Степан с бойцами. Они появляются в комендатуре словно из воздуха. А потом также растворяются. Одно слово – призраки! Иногда даже командование не в курсе вылазок разведчиков. Это делается для того, чтобы информация не просочилась и «духи» не устроили на «призраков» засаду.

Разведчики проверили боеприпасы, попрыгали на месте – не шумят ли? У кого-то брякнула фляга, Степан приказал поправить. На броню каждого бэтэера бесшумно вскарабкались по пять бойцов. Мне досталось место на «Бореваре», Гусю – на «Кондоре». Степан рассадил нас по разным машинам из простых соображений – не класть яйца в одну корзину. Яйца в данном случае – мы. Если подорвут один из бэтэеров и погибнет один репортер, другой может уцелеть. Самое главное, когда сидишь на бэтэере, – крепко держаться за ручки, приделанные к броне, чтобы не слететь, когда машину подбрасывает на ухабах. Но еще важнее – занять правильное место. Так как обочина справа, первыми в случае взрыва фугаса гибнут те, кто сидит на правой стороне. Поэтому все стремятся занять левую. Военные корреспонденты – не дамы, и блатное место им никто не уступает. Но и суеты никакой перед усаживанием разведчиков на броню никогда нет, все занимают места с достоинством. Где успел присесть, там и поехал. Только Богу известно, как там будет. Сегодня мне удалось «зашарить» правильную, левую сторону. На броне рядом со мной – Стас и Зула. Стас ковыряется с «Оксанкой» – так он называет свою снайперскую винтовку. То ли в честь подруги, то ли от тоски по женщинам. То ли просто от тоски. На войне почему-то принято давать имена неодушевленным предметам, как бы одушевляя их. У механика-водителя Лехи – бэтээр «Боревар». У Стаса – винтовка «Оксанка». Он настраивает ее как гитару перед игрой. Подкручивает колесики на прицеле, проверяет прибор ночного видения.

Мне снова приходится бороться с тошнотворным комом в горле, пересиливая свой страх. Смотрю на разведчиков. Они абсолютно спокойны. Они привыкли к войне настолько, что их не тошнит. Завидую им.

Вообще, думаю я, трусость и смелость – понятия неоднозначные. Один и тот же человек в одних и тех же ситуациях может повести себя по-разному. Сегодня он может закрыть амбразуру телом и стать героем. А завтра подумал бы – стоит ли? От чего это зависит – непонятно. Может, от погоды. Или от расположения звезд, когда в один день жить хочется больше, чем в другой. А может, от того, получил ли весточку боец из дома и какой была эта весточка. Дал ли каптерщик солдату нижнее белье и сапоги нужного размера или они ему жмут? Так жмут, что жизнь не в радость. От усталости, хронического недосыпания, равнодушия и апатии, от голода и отчаянного страха перед врагом. От всего этого человек тоже может пойти на крайности. И даже на подвиг. В общем, мне кажется, что человек не всегда верен сам себе.

Зула устроился с пулеметом где-то слева, я его почти не вижу, только зубы белые светятся в темноте.

«Ну, на хрена мне все это?» – крутится в голове знакомая, как старая пластинка, мысль. – Всем надеть маски, рыла в камеру журналистов не светить, – рыкает Степан и опускает пятерню на шлемофон механика-водителя.

«Боревар» взревел, обдал нас облаком отработанной солярки и рванул к распахнувшимся вратам в Ад. Оглядываюсь назад, пытаюсь найти на броне «Кондора» Пашку, но вижу только мрачный силуэт бэтэера в пыли. Фары у обеих машин по-прежнему выключены, и одному Богу известно, как в кромешной тьме среди руин ориентируются водители.

«Боревар» с «Кондором» несутся по ночному Грозному. Вихри колючей пыли вперемешку со снегом жалят щеки, выбивают из глаз слезы. Я пытаюсь вглядываться в темноту, но

вижу только черные скелеты домов. Они зловеще нависают над нами и, кажется, вот-вот взорвутся тысячами огненных вспышек, направив на нас всю ненависть Ада. Кажется, за каждым поворотом этого чертового лабиринта поджидает смерть. Впрочем, так оно и есть. Минут через десять машины неожиданно встали. На смену шуму ветра и реву моторов пришла внезапная, оглушающая тишина. Даже выстрелов нигде не слышно. Тихо, как на кладбище. Разведчики бесшумно спрыгнули с бэтээров, рассредоточились, стали водить стволами по черноте ночи, уткнувшись в окуляры прицелов-«ночников».

Наконец, глаза привыкают к темноте, и я обнаруживаю, что мы действительно рядом с кладбищем. Теперь я понимаю, что это за место, так как немного изучил Грозный за пару лет командировок. Это мусульманское кладбище появилось уже во время войны и находится прямо в бывшем парке культуры и отдыха. Жители свозили сюда со всего города неопознанные трупы родственников и хоронили, недалеко от сожженных аттракционов и «чертова колеса». На многих могилах стоят остроконечные пики. Это означает, что погребенный погиб насильственной смертью и родственники поклялись за него отомстить. После мести пики меняют на надгробные плиты. Степан говорит, что здесь похоронено много боевиков.

Пашка включил инфракрасный режим, позволяющий снимать в кромешной темноте.

Степан-Карл шепотом по рации отдает распоряжение бойцам. С гарнитурами связи и приборами ночного видения разведчики похожи на киборгов или космических пришельцев. Степан дергает меня за рукав, шепчет в ухо:

– Сейчас выдвигаемся через кладбище, прочешем парк. Часто «духи» отсюда подбираются к блокпостам.

Гусь снимает Степана почти в упор, приближая камеру вплотную к маске с прорезями для глаз, пытаюсь записать хоть какой-то звук.

Ощущается дыхание реки Сунжи, огибающей парк и не замерзшей зимой. Все кажется сюрреальным. И то, что мы кромешной ночью идем с разведчиками-пришельцами через мертвый парк, и черные руины вокруг – все похоже на какую-то далекую, темную планету. Кажется, здесь нет жизни, только небольшая группа инопланетян высадилась в этом страшном месте. Мне снова вспомнились те индийские робинзоны. «Ад – это и есть наша планета...» – сейчас слова полуголого программиста из Лондона кажутся мне не такими уж и безумными. Изуродованные скелеты аттракционов, сквозь которые пробивается сухой бурьян, обугленные деревянные лошадки и ослики на фоне мрачных зарослей кустарников, припорошенных снегом, и черных деревьев выглядят особенно зловеще. Покореженное чертовое колесо уродливой гримасой безжизненно застыло над парком. Теперь с него можно обозревать только кладбище и руины. Аттракцион в Аду. Людей сажают в развороченные проржавевшие кабинки и показывают, как выглядит Ад с высоты птичьего полета. «Посмотрите, на что способны люди в своей бессмысленной злобе и жестокости», – говорит экскурсовод дьявола и хохочет.

– Здесь придется немного пройти через минное поле, – шепчет мне Степан. Не обращая внимания на мои вытаращенные глаза, продолжает: – Когда Грозный второй раз взяли, тут заминировали все. Карт минных полей, конечно, никто не составил, тогда не до этого было. Разминировать территорию тоже пока нет смысла, «духи» тут постоянно шляются. Ну и нам приходится за ними. Но пройти дальше можно только этим путем. Так что советую не шараться по тропе, как беременные козы, а ступать прямо за нами.

Такого экстремального аттракциона в этом чертовом парке мы с Гусем, конечно, не ожидали. «Мог бы предупредить», – думаю о Степане.

Разведчики стараются идти след в след, метрах в пятнадцати друг от друга на случай, если кто-то один подорвется на mine, чтобы осколками не зацепило остальных. Гусь прилип глазом к миниатюрной камере, стараясь снимать все подряд. Я знаю, что если посмотреть на Пашку в прибор ночного видения, то голова его будет светиться зеленым нимбом. Это из-за

режима инфракрасной съемки. Для снайпера лучшей цели не придумаешь. Шепотом прошу Пашку периодически выключать камеру.

Пошел легкий снег. Падая на землю, белые снежинки тут же превращаются в черную грязь. За двадцать минут группа проходит метров сто пятьдесят. Со стороны это выглядит так: группа мужиков ночью, гуськом, на большом расстоянии друг от друга, исполняет смертельный танец, в котором каждый шаг может стать последним: то поднимают, то медленно и осторожно, как цапли на болоте, опускают ноги на землю. Наконец Степан подает знак. Опасный участок пройден. Стараюсь унять дрожь в коленях, вызванную страхом и мышечным напряжением от «танца».

– Фу-ух! – шепчет рядом Гусь. – У меня все яйца поседели!

Вдруг Зула, идущий впереди, поднял руку. Группа встала. Зула что-то знаками показал Степану, тот махнул рукой, и разведчики залегли, бесшумно растворившись среди деревьев. Призраки есть призраки. На пару секунд мне показалось, что мы с Гусем остались совершенно одни посреди дьявольского леса. По еле слышному шепоту нахожу Стаса, который оказался рядом с нами. Мы с Гусем легли на мерзлую, полусгнившую листву, источающую слабый при- торный запах.

Стас шепчет в гарнитуру связи Степану:

– Вижу движение. Наши пациенты. Двое с оружием.

Степан, которого я сейчас не вижу, хрипит ему в наушник:

– Вылечи их.

– Понял. Работаю, – шепнул Стас и затих, вглядываясь в прицел «Оксанки». Кажется, что он и не дышит даже. Я вижу, как Гусь напряженно снимает Стаса, завалившись сбоку от него на кучу мокрых, грязных листьев. Под ложечкой начало противно сосать.

«Оксанка» у Стаса с глушителем, но даже с ним два щелчка, как хруст сломанных веток, разлетелись в черной тишине по парку, вспугнув воронье. Сделав один за другим два выстрела, Стас откатился в сторону, меняя позицию, что-то шепча Степану по рации. Мы с Гусем тоже на всякий случай отползли.

«Ночные призраки» один за другим проявились в ночи и бесшумно двинулись вперед. Метров через сто мы увидели два тела, лежащих на снегу. Степан поднял руку. Группа остано- вилась, а двое разведчиков – Сашка-Погода и рыжий парень, лет двадцати пяти, имени кото- рого я не знаю, приблизились к трупам.

Боевик лежит на спине, неуклюже подогнув ногу, и сквозь падающий снег смотрит в небо на некстати вышедшую из-за облаков луну, осветившую мертвенным светом небольшую поляну. «Странно, – почему-то подумалось мне, – снег идет и одновременно светит луна». На лбу мужчины чернеет маленькая дырка, оставленная пулей из «Оксанки». Рядом валяется автомат. Второй уткнулся лицом в землю. Он в черной вязаной шапке, из-под которой выби- ваются светлые волосы. Рыжий осторожно перевернул боевика на спину. Под ним оказалась снайперская эсвэдэшка.

– Снайпер, – тихо сказал Погода.

– Прибалт или русский, – уточнил рыжий.

– Может, хохол, – сделал предположение Зула.

– Да какая разница! – резким шепотом оборвал Степан. – Забрать документы и оружие, прикопать листьями!

Неожиданно второй захрипел. Пуля попала ему в грудь, но он еще жив.

– Стас! – укоризненно бросил снайперу Степан.

– Виноват, командир. Темно, снег и расстояние приличное. – Стас закинул «Оксанку» за плечи и достал нож, склонившись над боевиком: – Сейчас исправим.

Группа прочесала парк и вернулась к бэтээрам, когда метрах в пятистах из руин стали раздаваться длинные автоматные и пулеметные очереди. Стреляли в сторону бывшего дудаевского дворца.

– Четырнадцатый долбят, – оживился Степан. – По коням!

Четырнадцатый блокпост одиноко стоит посреди огромной площади, на месте снесенного до фундамента после штурмов дворца Джохара Дудаева. С одной стороны «четырнадцатого» – полукруг руин. Из них и стреляют боевики по ночам, а нередко и днем. Степан связался по радиации с постом, предупредив, что едут свои, чтобы по нам не открыли огонь. Бойцы спрыгивают с брони еще на ходу, а бэтээры открывают огонь по руинам из крупнокалиберных пулеметов. Боевики обстреливают блокпост со стороны центрального рынка. Красно-желтыми пятнами вспыхивают руины и почти одновременно свинцовые осы с коротким жужжанием проносятся над головами, тупо впиваются в мешки с песком, расплющиваются о бетонные блоки, раздирают встречающиеся на пути деревянные щиты и брус. Пара пуль звонко тренькнула по «Боревару», из которого с глухой яростью, словно захлебываясь матом, долбит крупнокалиберный КПВТ. Раскаленные крупные гильзы сыплются на землю, как зерно из-под молотилки. Со злобным шипением гильзы остывают в снегу. Чуть в стороне хрипло «лает» пулемет «Кондора».

– Давай за броню! – толкает нас с Гусем Погода. Гусь высунул руку с камерой из-за бэтээра и пытается снимать вспышки со стороны руин. Потом переводит камеру на разведчиков, скучившихся за бэтээрами и расстреливающих стены домов из автоматов.

– Карась, – орет Степан Димке Карасеву, у которого за спиной висит гранатомет, – долбани по уродам!

Карасев покопошился с РПГ, выдохнул, выскочил из-за брони, встал, широко расставив ноги, пытаясь прицелиться раньше, чем в него попадут летящие из руин пули. Уши заложило от выстрела, а через секунду в руинах ухнуло.

– Нормально, сразу вдогонку еще раз! – командует Степан.

После второго выстрела из гранатомета стрельба со стороны руин стихла. Степан убедился, что никого не зацепило, перекинулся парой фраз со старлеем, старшим поста, и группа пошла в руины на зачистку. Я попросил Пашку выключить камеру на время: светящийся в «ночниках» зеленый нимб от режима ночной съемки может нас выдать. Да и нет большой необходимости снимать еще одну «проходку» разведчиков. Картинка та же самая, а зрителю, запивающему пивом бутерброды перед теликом, наплевать, где конкретно она снята. Договорились включать камеру по ситуации.

Центральный рынок, откуда шел обстрел и куда сейчас направляются «Ночные призраки», считается одним из самых гиблых мест в Грозном, осиным гнездом боевиков. Сюда даже днем подразделения федеральных войск не заходят без крайней необходимости. Среди многочисленных руин, окружающих рынок, боевикам легко укрываться. Днем здесь торгуют чеченцы, которым некуда с этой войны податься. Продают самое необходимое: еду и предметы гигиены. Но можно заказать и обмундирование. Конечно, и оружие из-под полы можно купить. Между первой и второй войнами, когда Чечня жила «автономно» от России, на рынке открыто торговали оружием и рабами. Здесь можно было купить пленного российского солдата или любого похищенного с целью выкупа или продажи человека. Торговля людьми процветала на Кавказе с начала девяностых и так или иначе присутствовала даже в советские времена. Большой спрос на живой товар есть и сейчас. И хотя продают невольников не так открыто, по сути, ничего не изменилось. Собственно, об этом мы сейчас и снимаем один из документальных фильмов.

Зашедших на рынок по неопытности или глупости российских солдат нередко убивают. Кто боевик, а кто простой торговец – не отличишь. Часто человек бывает и тем и другим. Ударят ножом солдата или пристрелят в толпе – и готово! Частенько снайперы постреливают

из примыкающих вплотную к рынку руин. А бывает, чеченцы солдат в плен уведут, в зиндан посадят, рабами сделают. Или во дворе своем головы отрежут – кровную месть совершат за погибших на войне родственников. Некоторые даже торгуют пленными специально для продажи на кровную месть, как баранами. Их покупают те, кто хочет отомстить комфортно и без риска. Словом, центральный рынок – гиблое место. Когда федералы делают здесь зачистку, то окружают рынок со всех сторон, расставив на крышах руин своих снайперов и подогнав «Уралы» для задержанных. В них увозят всех подозрительных. Как-то днем, в одну из прошлых командировок, мы писали на центральном рынке стендап под прикрытием чеченского ОМОНа. Это было признано коллегами как высшее проявление пижонства и безрассудства.

«Призраки» тенями скользят по пустой площади, пытаюсь укрываться за редкими стволами голых деревьев. Главное – добраться незамеченными до разрушенных домов. Теперь даже шепот запрещен. Боевики где-то совсем рядом. Луна снова скрылась за облаками, и снег повалил сильнее. Это хорошо, так нас труднее разглядеть. Наконец группа вошла в руины. Разведчики окончательно слились с ночью и снегом, я вижу только Зулу, который идет рядом с нами, и иногда Степана, то появляющегося, то исчезающего чуть впереди. Мы оказались рядом со зданием, из которого стреляли боевики. Степан отправил двоих разведчиков внутрь проверить. Остальные растворились в темноте, заняв оборону. Боевики оставили нам «подарки». Разведчики сняли две растяжки с гранатами, и мы с несколькими бойцами вошли в помещение. Похоже, раньше здесь был магазин. Степан включил фонарь, прикрывая его рукой. Пошагивал тусклым лучом по стенам, испещренным пулями. В углу, возле развороченного оконного проема, темнеет что-то бесформенное. От пятна идет пар и широкие темные разводы. Подойдя ближе, мы увидели человеческие кишки. Видимо, принадлежали они кому-то из стрелявших по блокпосту. Судя по всему, погибших было двое: стена напротив окна была также забрызгана кровью и слизью от внутренностей, а рядом валялись клочья одежды. Ясно, что боевики унесли трупы с собой. Все время, что мы были внутри здания, никто не проронил ни слова. Степан знаками дал понять, что пора двигаться дальше.

Теперь группа не идет, а почти ползет. Низко пригнувшись, разведчики медленно движутся от стены к стене. Я снова потерял из виду всех, кроме Гуся и Зулы, которому, судя по всему, Степан поручил быть рядом с нами. Через какое-то время понимаю, что мы рядом с площадью центрального рынка, в одном из мертвых дворов. Возможно, до войны здесь было уютно. Чернеющие огромными дырами стены домов описывают полукруг, в центре которого когда-то был разбит небольшой палисадник. Падающий крупными хлопьями снег напомнил о приближающемся Новом годе. Стало грустно и тревожно.

Неожиданно прямо перед нами вырос Степан с поднятой вверх рукой, сжатой в кулак. Мы замерли. Тут же откуда-то из снега возник Стас. Теперь, в своем заснеженном снайперском обмундировании, он похож на Деда Мороза с посохом. Только его посох – снайперская винтовка. Стас чем-то встревожен и жестами общается со Степаном. Также внезапно, абсолютно бесшумно, прямо из черноты перед нами появился Погода, напугав нас с Гусем. В то же мгновение мы отчетливо слышали совсем рядом, метрах в десяти от нас, чеченскую речь. Все замерли. Прислушавшись, я понял, что говорят из-за угла стены, возле которой мы стоим. Судя по приглушенным голосам, боевиков человек пять и еще несколько голосов раздаются чуть дальше, ближе к рыночной площади. Мне вдруг подумалось – а сколько их вообще может быть тут ночью в подвалах руин? И под ложечкой в очередной раз противно засосало. Вновь промелькнула мысль – какого... я тут делаю? Ночью, в центре Грозного, на центральном рынке, когда в нескольких метрах за стеной слышится гортанный говор боевиков. Разведчиков – всего шесть человек. Сколько боевиков – никто не знает. Степан знаками что-то нервно обсуждает со Стасом, Погодой и Зулой. Со стороны они походят на группу глухонемых. Опустившись на корточки, я осторожно выглянул из-за угла. Внутри все похолодело. Теперь видно даже силуэты боевиков. Кажется, я смог бы дотронуться до ближайшего из них рукой. Сердце бешено

колотится. Только бы они не услышали его стука! Что предпримет Степан? Решит напасть на них? Но что потом? Я стал лихорадочно думать – что делать, если начнется стрельба и мы с Гусем отобьемся от группы? Что, если затеряемся в этих руинах? Я вспомнил кишки убитого боевика и то, что журналистов часто называют стервятниками. Стервятники питаются падалью. Нам приходится снимать много смертей и нам платят за это деньги. Аварии, катастрофы, войны... Чем больше масштаб трагедии, тем ценнее репортажный материал. И многие из нас сознательно идут на риск, понимая, что настоящий рейтинговый материал нередко делается на чьей-то крови. Но часто и сами стервятники попадают в ловушки и становятся добычей. Именно так я сейчас себя и ощущаю – попавшим в ловушку собственных амбиций стервятником.

Я делаю Гусю знак, чтобы тот приготовился включить камеру.

Но неожиданно группа снимается и бесшумно выдвигается в направлении блокпоста. Степан решил не атаковать? Наверное, нас пожалел – думается мне. Если честно, испытываю огромное облегчение. Появилась надежда благополучно выбраться из этого проклятого места. Идти обратно оказалось легче и быстрее. Когда до блокпоста остается метров сто пятьдесят, Степан связывается с кем-то по рации. Потом подходит к нам с Гусем, вполголоса поясняя свое решение:

– «Духов» там человек пятнадцать было. И это только те, кого мои насчитали. Это странно, обычно посты обстреливают маленькими группами, по два-три человека. Значит, уроды что-то затеяли. Вступать с ними в ближний бой было глупо. Неизвестно, сколько их там еще по подвалам сидит. Да и не видно ни хрена, друг друга могли положить. Я дал наводку минометчикам, они сейчас по координатам отработают.

...Внутри блокпоста тесно, накурено и шумно. Сквозь гомон «контрабасов» слышно, как в руинах, где мы были минут десять назад, рвутся мины.

Режется хлеб, льется по пластиковым стаканам водка, ножи вонзаются в жест консервных банок. Закуска выкладывается на длинный деревянный стол, на котором вырезаны названия городов и имена тех, кому доводилось здесь сидеть. Колян из Владимира, Жека из Питера, Артем из Нижнего Новгорода, Денис из Москвы, Славон из Новосибирска...

Собравшиеся – бойцы блокпоста и разведчики Степана – возбуждены после перестрелки с боевиками и похода в руины. Мощный выброс адреналина, который все испытали, газировкой будоражит кровь, и теперь все разговаривают громко, как стая крикливых птиц. Голоса стали трескучие и ломкие, как тонкий лед на морозе, а движения – резкие и чуть суетливые. Скоро адреналин в крови станет разрушаться и на смену возбуждению придут вялость в мышцах и апатия. Ничего не поделаешь, химия человеческой природы. Затем волной накроет депрессия, которую можно попытаться ненадолго вылечить водкой. Главное – не переборщить. Разведчики рады, что можно немного отдохнуть, перекусить, что не ввязались в бесполезный бой на центральном рынке. Могли бы кого-то потерять. Жизнь землянина и так хрупка, а смерть внезапна. А на войне – и подавно. Наверняка каждый, кто вернулся сейчас из руин, думает, что мог бы и не сидеть уже в этом жарко натопленном месте. Не ожидать своей порции тушенки и водки, а остывать на броне «Боревара» или «Кондора», завернутый в брезент. И то, если бы своим удалось притащить сюда тело. А то еще хуже – «духи» бы над останками поглумились. Или собаки сожрали бы. Думаю об этом и я, вспоминая слова Степана перед выездом: «Если что, я тебя назад не повезу, а прикопаю на помойке...»

Присутствие разведки, в свою очередь, ободряет бойцов блокпоста. С разведкой не так страшно – лихие ребята. Не боятся ночью по Грозному разъезжать на своих «коробочках».

– Всё, сегодня «духи» не сунутся больше, – облегченно выдыхая, говорит один из кон-трактников, поднимая вверх указательный палец и поворачивая правое ухо в сторону руин, словно настраивая слух на сладкую музыку минометных разрывов. – Слышите? Артиллерия

пайку отрабатывает! Правильно все, а то задолбали совсем, суки! Моду взяли – несколько раз в сутки долбить по нам. Без прикрытия уже и поссать не сходишь!

Выпили по одной. И сразу по второй, как водится. Трещит поленьями буржуйка. Горячими толчками спирт гонит кровь по венам, достигает мозга, сокращая в нем кислород. И уже не такой страшной кажется война. И черные дома. И чертово колесо, и трупы в парке рядом с кладбищем, и само кладбище с пиками, и человеческие кишки на полу в руинах. И то, что весельчак Зула, успевший таки отрезать уши у убитых боевиков, теперь размахивает над столом окровавленным пластиковым пакетом, демонстрируя трофеи и белоснежно улыбаясь. Кажется, мы все сейчас где-то на дне Ада. Но сам Ад и сама смерть землянам кажутся менее страшными, когда они выпивают. Может, для того они и придумали алкоголь, чтобы хоть на время изменять свою личность, вырываться из цепких лап сознания, забывать об инстинкте самосохранения и не видеть, что творят с себе подобными.

– Погода, – кричит захмелевшим голосом куда-то в туман сигаретного дыма Димка Карасев, который отличился сегодня точными выстрелами из гранатомета. – Давай, скажи за Жирика!

И Погода, весельчак и балагур, говорит голосом Жириновского:

– Вы думаете, эти контрактники – нормальные солдаты? Это банда алкоголиков, ублюдков и тунеядцев! Дебилы! Негодяи! Всё, я сказал! – постовые гогочут. Рыдает разведка. Ржем мы с Гусем. Жирик получается у Погоды идеально, не отличишь! Ему бы пародистом быть!

– Подонки! Они пропьют все бэтэры, все автоматы, танки и самолеты, эти уроды! Кого вы отправили на Кавказ защищать родину? Этих наркоманов? – продолжает под общий хохот свое выступление Санька.

Минометный обстрел стих, и теперь наверняка далеко над руинами разносится наш безумный смех из одиноко стоящего посреди пустой площади блокпоста, на месте бывшего обкома КПСС, бывшей площади Ленина, бывшего города. Все здесь бывшее...

«Ночные призраки» в городе-призраке», – пришел мне в голову каламбур.

Почему-то вспомнилось, как Погода высказывался про девушек. Он считает их очень кровожадными и жестокими существами. Когда Сашка приезжает в отпуск, некоторые недалекие девушки, узнав, что он воюет в Чечне, часто спрашивают его, сколько человек он убил. Для Погоды это интимный вопрос. Личный. Поэтому отвечает он всегда тоже вопросом: «А сколько у тебя мужиков было?»

Я захотел в туалет и направился к выходу.

– Стой! – бросается за мной старлей, командир поста. – В сортир на улицу не ходить, по нему снайперы «духов» работают. Уже двоих так потеряли. Хуже смерти не придумаешь, чем в сортире. Ночью вообще в него не ходим. Днем-то, чтобы один погадил по-человечески, трое должны прикрывать.

Приоткрыв дверь, смотрю на силуэт деревянного туалета, притулившегося к бетонным блокам. Даже в темноте видно, что он похож на дуршлаг или на изъеденное термитами дерево, которое вот-вот рухнет.

– Вон ведро, дуй в него, – показывает старлей.

Минут через тридцать разговоры стихли. Все сидят, уставившись кто в стакан, кто в изрезанный географией российских городов стол. Апатия, пришедшая на смену возбуждению после короткого боя, накрыла удушливой, прокуренной волной тесное помещение блокпоста. Понемногу все стали трезветь, возвращаясь в реальность после краткосрочного отпуска в беззаботный параллельный мир, пропуском в который обычно служит водка.

Разведка засобиралась на базу. Постовые загрузили как хозяева, которым не хочется отпускать желанных гостей. За бетонными блоками взревели «Боревар» с «Кондором».

* * *

Вот бывало в студенчестве: хочешь купить новые ботинки. Мечтаешь о них. Купил – нравятся, радуют. Нюхаешь новую кожу, гладишь. А поносил немного – жмут. Ноги в кровь стирают. Также и с девушками. Девушки, конечно, не ботинки, но принцип тот же. Я вдруг понял, что наши с Настей отношения, легкие и беспроblemные, со временем будут жать, как обувь, которая никогда не притрется к ногам. Всегда будут кровавые волдыри. Прорвавшись, они принесут временное облегчение, но стоит снова надеть ботинки, станет еще больнее. Мы с Настей очень разные и живем в параллельных мирах. Ведь интересно нам было только в постели, а после душа мы снова превращались в инопланетян, говорящих на разных языках. За прошедшие неполные две недели я звонил ей всего пару раз. Это были разговоры ни о чем. О погоде, шмотках, которые она купила или собирается купить. О том, куда сходила, что поел ее йоркшир, чем погадил и что нового случилось в жизни знаменитостей. Надо сказать, о своем муже-банкире она всегда говорит гораздо меньше, чем о йоркшире Тони. Точнее, о муже она вообще никогда не говорит. Ни плохо, ни хорошо, как о покойнике. Его как будто и нет вообще. Настя относится к нему со спокойным уважением, как к железному станку, печатающему деньги.

Ольга стала появляться на базе почти каждый день. Как-то она показала мне на довоенной карте города улицу и дом, где живут они с матерью. Раньше улица называлась Фонтанной. Теперь ее сложно найти. Со съемочной группой мы каждый день колесим по Чечне и Грозному, снимая материалы для «Новостей» и очередного документального фильма, но ни разу не получалось заехать к Ольге домой. Я решаю обязательно сделать это в ближайшее время. Мне очень хочется увидеть, как она живет.

В комендатуру Ольга приходит помогать матери и заходит ко мне поболтать. Если мне не нужно срочно готовить сюжет или выходить в эфир, мы с ней идем гулять. Прогулки наши обычно проходят вдоль бетонного забора, избитого пулями. Забор – это сто метров обшарпанных плит, отделяющих вагончики журналистов от небольшой площади перед Домом правительства. Замерзнув, отправляемся пить чай в наше журналистское жилище. Тогда Гусь с Иваном деликатно уходят к флайвейщикам или соседям с других каналов, предварительно сняв с веревки сохнувшее белье и одежду.

Я стал замечать, что жду этих встреч. Что хочу чаще видеть Ольгу рядом, чувствовать запах ее кожи и любоваться идеальными завитками ушей. Выяснилось, что нам нравятся одни и те же писатели, художники и старые фильмы. Правда, оказалось, Ольга не знает ни одной современной кинокартины. Откуда?

– В Грозном вот уже семь лет показывают только один фильм – про войну, – горько шутит она.

От страшных мыслей и тоски Ольгу спасала и до сих пор спасает домашняя библиотека, которую всю жизнь собирал ее дед-филолог. Эту библиотеку, как и многие вещи своих родителей, мать Ольги перевезла в Грозный после продажи московской квартиры. Книги, среди которых есть и весьма редкие, были особой гордостью деда. Среди них попадаются экземпляры начала восемнадцатого и даже конца семнадцатого века. В разделе художественной литературы Ольгин дед собрал лучшие произведения самых достойных, по его мнению, писателей мира. Ему очень хотелось, чтобы его внучка все это прочла. Так и получилось. Все восемь лет войны и до сегодняшнего дня, когда мы сидим с Ольгой в нашем вагончике в декабре 2002-го, книги из дедовской библиотеки были ее единственным развлечением и утешением. Она читала, чтобы не сойти с ума. Сначала от ужасов первой войны, затем от кошмаров второй.

Читая книги деда, Ольга может хоть ненадолго вырываться из Ада, в котором живет. Книги служат ей проводниками в другую реальность, другой мир, где есть любовь, красивые

города и добрые люди, где совершаются благородные поступки и не надо бояться за свою жизнь и жизнь матери – единственного по-настоящему близкого ей человека на Земле. Благодаря книгам Ольга поняла, что где-то, возможно, не так уж и далеко, кроме Ада, существует и Рай. Для Ольги Рай – в первую очередь безопасность. Довоенная жизнь уже стирается в ее памяти. Она кажется ей сном. Будто и не было никогда ничего, кроме проклятой войны. Кроме руин, страха и смерти вокруг.

Когда началась первая чеченская, Ольге было семнадцать. Она окончила школу и собиралась стать дизайнером. Параллельно успела с отличием окончить художественную школу. Писала в основном пейзажи. Но дизайн стал ее особенной страстью. Поначалу Ольге хотелось придумывать одежду, и в Грозненском доме моды даже выпустили две коллекции по ее эскизам, имевшие успех. Французские модельеры, присутствующие на показе, отметили ее коллекции специальным призом. Но позже Ольга переключилась на дизайн интерьеров. Она мечтала создавать самые красивые в мире дома и квартиры. Много общалась с преподавателями местного университета, готовясь поступать на дизайнерское отделение. Скупала в книжных магазинах и киосках все журналы про интерьер, некоторые книги ей присылал отец из Москвы.

А потом пришла война. Ехать им с матерью было некуда. Ольга Ивановна категорически отказывалась принимать помощь от бывшего мужа. Надеялись, вот-вот все закончится. После первой войны, с 1996 по 2000 год, когда Чечня получила так называемую независимость и в республике возникла тотальная безработица, мать с дочерью стали ездить вместе с соседями в Моздок за продуктами. С копеечной наценкой продавали их на центральном рынке в Грозном. Этот период для Ольги с матерью не был мирным. Им приходилось выживать. Обстановка оставалась военной.

Позже, уже во вторую войну, Ольге Ивановне удалось получить работу в Доме правительства. А Ольга стала ей помогать и иногда подрабатывала проводником и переводчиком у журналистов, стаями стервятников слетающихся со всего мира на войну.

– И все-таки у Мунка не солнце, а луна написана в картине «Девушки на мосту», – Ольга подняла голову вверх, пытаясь отыскать в еще светлом небе бледно-золотой диск.

– Почему ты так решила? – Я тоже посмотрел на небо. Мне не хочется, чтобы луна появлялась. С темнотой наступает комендантский час и Ольге придется ехать в руины.

– Это не я решила. По этому поводу много спорили искусствоведы. Мне ближе версия в пользу луны. Она самая логичная. Я прочитала в какой-то дедовской книге, что в своих письмах Мунк называл эту картину «Летняя ночь». Все же очевидно, если ночь – значит, там луна! И чего из-за этого так спорят?

– Почему же луна у него не отражается в воде?

– Просто забыл написать. Или с того места, где он стоял, она не отражалась. Часто все в жизни гораздо проще, чем кажется. Но люди любят придумывать тайны, – она морщит нос и улыбается.

За ее кротким на первый взгляд нравом скрывается импульсивная и чувственная натура. Ольга оказалась большой спорщицей, готовой горячо рассуждать о том, оказало ли, например, творчество Кортасара влияние на романы Маркеса и что общего у обожаемой ею золотой латиноамериканской тройки писателей, включая Борхеса. Она утверждает, что ее любимый «Доктор Живаго» Пастернака стал бы еще в два раза лучше, будь роман вдвое короче. Иногда она слишком бескомпромиссно отстаивает свое мнение. В такие моменты я вижу, как в ней просыпается кровь отца-чеченца.

– Леонардо Да Винчи был в первую очередь гениальным художником, изобретения – лишь хобби. А многие из них вообще ему приписывают, – будто лекцию читает Ольга, истосковавшаяся по любым разговорам, не связанным с войной и поиском продуктов.

Мне не хочется с ней спорить. Пользуясь возможностью, любуюсь чудесными завитками ушных раковин.

– В улыбке Моны Лизы, по-моему, нет никакой загадки, – продолжает Ольга, – И чего все так переполошились из-за этого! Вполне себе обыкновенная, счастливая женщина, которая просто тихо радуется, что ее пишет знаменитый Да Винчи! Может, он смешил Джоконду, рассказывал веселые истории или флиртовал с ней, пока ее муж торговал шелком у себя лавке!

Если я и спору, то делаю это только для того, чтобы немного позлить Ольгу. Тогда можно увидеть, как в этой девушке борются два начала. Как чеченская ее кровь сражается с русской. Кротость и скромность уживаются в ней со взрывным характером, который сама хозяйка пытается сдерживать, словно дикого скакуна. В такие моменты она особенно прекрасна.

– Ты слишком самоуверен и считаешь, что во всем прав! – говорит она. Ее щеки и прекрасные уши залил алый румянец, а ресницы слегка подернулись инеем. Кончик носа тоже немного покраснел, и от этого она кажется по-детски трогательной. Я вижу, что Ольга замерзла, и мы идем в вагончик греться чаем. А там уже продолжаем наши споры. О том, какое мороженое вкуснее, какие блюда лучше в русской кухне, а какие в кавказской, есть ли во Вселенной инопланетяне и писал ли Моне все свои лондонские пейзажи с натуры или дописывал уже по памяти в Париже? Как будто ничего важнее этого нет среди страшных руин, в которые ей все-таки придется вернуться после наших ничего не значащих споров.

Повадки дикого Маугли органично сочетаются в ней с манерами утонченной, образованной девушки, воспитанной даже старомодно, словно занесло ее сюда из конца девятнадцатого века. Выросшая в сплетении двух религий и разных культур, она при свечах и под звуки падающих бомб читала Чехова, Стендаля, Кафку, Бальзака, Бунина, Булгакова. Изучала редкие фолианты из коллекции деда, ища в них защиты и спасения. При этом Ольга совершенно не ориентируется в современной жизни. Война научила ее выживать в руинах. Ценить простые вещи: хлеб, соль, воду. Прятаться от бомб и мародеров. Но некоторые ее суждения по-детски наивны. У нее никогда не было мобильного телефона, потому что в середине девяностых, когда началась первая чеченская, они были роскошью, а потом в зоне боевых действий мобильной связи и вовсе не стало, нет ее и сейчас. Тогда же она перестала смотреть телевизор – в городе, похожем на разбомбленный Сталинград, нет телевидения. Разумеется, у Ольги нет компьютера, и об Интернете она знает лишь понаслышке.

– Говорят, в Москве сейчас такие пробки, что можно несколько часов в них простоять и никуда не сдвинуться. И что пешком ходить там быстрее, чем ездить на машине. Я не представляю, как это. Я помню Москву совсем другой: широкие проспекты, свободные дороги. Еще «Детский мир» хорошо помню. Мы с дедом часто туда ходили, и он мне всегда что-нибудь покупал. Там еще на входе огромный зеленый крокодил был и доктор Айболит. Айболит лечил крокодила. А еще мороженое помню, эскимо, мое любимое. Когда с мамой в Моздок за продуктами ездили, иногда покупали, но оно совсем другое. Еще помню метро и как оно пахнет – железной дорогой. Я всегда любила метро. Помню, как дед с бабушкой запрещали мне браться там за поручни и каждый раз драили мне руки, когда мы возвращались домой, и дезинфицировали меня какими-то лосьонами. От меня потом долго пахло поликлиникой на весь двор, – Ольга снова улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.